

Калдовские

Миры

ДОЧЬ ТРОЛЛЯ

Книга третья

КАПКАН ДЛЯ ЖЕНИХА

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ

Елена Михайловна Малиновская

Капкан для жениха

Серия «Дочь тролля», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361192

*Малиновская, Елена Михайловна. Дочь тролля. Книга третья. Капкан
для жениха: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79201-6*

Аннотация

Так, в гостях у драконов побывала? Побывала. Виновные наказаны, плененные освобождены, а замок хоть и выстоял, но подлежит серьезному ремонту. Как говорится, дело-то житейское. А что там с личным счастьем? Его снова надо искать и для того отправляться в дорогу? Ну что же, надо так надо. Если нет иного способа выйти замуж за любимого и избавиться от так сильно напрягающей тебя тени... И можно даже довериться таинственной незнакомке, которая утверждает, будто способна тебе помочь... Главное, не забывать две вещи: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а любовь... иногда гораздо ближе, чем тебе кажется. Ох и загадочная же она штука!

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Елена Малиновская

Дочь тролля. Книга

третья. Капкан для жениха

© Малиновская Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Приглашение в гости

Жаркое полуденное солнце середины июля невыносимо пекло. Я страшно страдала от духоты, беспрестанно обмахивая красное потное лицо руками, и молила богов о хотя бы крохотном дуновении ветерка. Но все впустую. Неподвижный воздух висел плотным влажным маревом. На небе – ни облачка. Только в зените пылало солнце, поливая землю своими безжалостными лучами. И далеко на горизонте голубое небо наливалось зловещим фиолетовым, предвещая скорую грозу.

Прошло всего несколько недель с того момента, как я покинула драконий замок и своего жениха. Правда, не уверена, что все еще могу считать Арчера таковым. И все это время я в компании друзей путешествовала по Прерисии, пытаюсь отыскать след книги, в которой была заключена частичка души Эдриана.

Естественно, я никому не призналась, почему это так важно для меня. Соглашение с Эдрианом казалось слишком... интимным, что ли. Что скрывать очевидное, личность моего извечного спутника была очень неоднозначной. Некогда он причинил немало зла, пытаясь вызнать тайну сумеречного мира и созданий, прячущих в тених свою истинную суть.

К тому же Морган тесно связан с драконами в целом и родом Ульер в частности. Вряд ли он обрадуется, услышав, что я обещала Эдриану, этому известному драконоборцу, отомстить за его смерть и выполнила свое обещание. Не говорю уж про Ульрику. Боюсь, зловредная фея сожрет меня живьем, узнав об этом.

Конечно, мои друзья сделали немало попыток вызнать, почему мне так дорога эта книга. Раньше мне было легко объяснить свое желание вернуть ее. Мол, она чуть ли не единственная память о моем женихе и если я не выручу Арчера из подземелья драконьего замка, то хотя бы буду иметь вещь, напоминающую мне о нем. Но после нашего весьма двусмысленного расставания эти рассуждения утратили свою правдоподобность. К тому же мне было очень неловко в присутствии Моргана озвучить эту причину. Поэтому я заявила, что никого не зову в сопровождающие. Мол, мое желание вернуть книгу – лишь моя прихоть, которую я сама не в силах объяснить. Если кому-то кажется это странным или глупым – что же, пусть отправляется своей дорогой. Я обижаться не стану.

Понятное дело, Ульрика еще долго мучила меня всевозможными расспросами. Затем, убедившись, что я намерена отмалчиваться и дальше, обиделась и надолго стала невидимой. Едва я обрадовалась, что наконец-то избавилась от надоедливой сопровождающей, как фея материализовалась и милостиво обронила, что, так уж и быть, поможет мне. Все

равно ей пока заняться нечем, а в драконий замок она возвращаться не желает.

С Фреем было меньше всего проблем. В ответ на мою чувственную тираду он лишь пожал плечами и буркнул, что ему, в общем-то, плевать с высокой колокольни на то, зачем мне так нужна эта книга. Он обещал вернуть ее мне, значит, сделает все, что в его силах, чтобы исполнить это.

А вот Морган долго молчал и внимательно рассматривал меня. Я упорно старалась не замечать его настойчивого взгляда и делала вид, будто мне абсолютно безразлично, каким будет его решение. В итоге маг буркнул себе под нос о том, как сильно не любит тайны, но донимать меня не стал, лишь грозно пообещал, что все равно узнает правду, как бы я ни старалась ее скрыть. И я верила, что так оно и произойдет. В памяти еще жива была сцена того, как он поместил Фрея в загадочную сиреневую сферу и вызнал таким образом о благословении, полученном моим товарищем от верховного бога Атириса.

Так или иначе, но вся наша компания в прежнем составе отправилась к разрушенному дому при храме в родной деревне Фрея, где прежде свил гнездо герпентол, игравший роль добропорядочного священника. Сам Фрей при этом категорически не хотел, чтобы о его возвращении стало известно. И я вполне понимала его нежелание пообщаться с земляками. В самом деле, о том, что книга с драгоценным рубином на окладе была поручена заботам именно Фрея, зна-

ло огромное количество народа. Не стоит быть провидицей, чтобы сделать очевидные выводы. Наверняка Фрея обвинили в воровстве, когда он исчез, а вместе с ним испарилась и столь дорогая вещь. И еще хорошо, если при этом бедолагу не заподозрили в убийстве отца Чериара. В общем, Фрею будет очень и очень непросто оправдаться. Вряд ли кто-нибудь поверит его рассказу о таинственной твари, некогда занявшей место обычного священника и занимающейся при этом убийствами детей.

Впрочем, наш визит в деревню Фрея не продлился долго. Мы обошли село кругом, переждали светлое время суток в лесу, после чего внимательно обследовали руины дома. Увы, тут нас поджидала неудача. Книгу мы так и не обнаружили. Точнее, она действительно долгое время находилась здесь, иначе Эдриан не чувствовал бы так сильно ее присутствие. Но кто-то нашел ее буквально за пару дней до нас и забрал. И, по всей видимости, этот загадочный некто являлся магом, иначе он бы не сумел обойти заклинание невидимости, под защитой которого находилась эта вещь.

К моему величайшему удивлению, Эдриан почти не расстроился из-за нового осложнения. Я ожидала, что он начнет ругаться и сетовать на то, как неспешно я отправилась в обратный путь, из-за чего книгу увели почти из-под моего носа. Нет, он, конечно, возмутился, но было в его тоне что-то фальшивое, будто на самом деле мой извечный спутник даже обрадовался этой задержке. После чего он обронил, что

найти книгу не составит для него особого труда. Мол, он помчится по ее следу, как гончая, и никакие чары не способны будут сбить его с пути.

Мне же опять пришлось вести непростой разговор со спутниками. Ладно, Фрей не задавал никаких лишних вопросов и не требовал объяснений. Он сразу сказал, что пойдет за мной хоть на край света. А вот Ульрика вновь надела на меня, требуя предъявить хоть какие-нибудь доказательства того, что я на самом деле знаю, где книга. Мол, очень подозрительно все это. Откуда у меня такая уверенность, куда нам надлежит ехать? Следы книги теряются именно здесь – у деревенского храма. По ее словам, я не могла знать, куда отправился человек, забравший принадлежащую мне вещь. Кстати, Ульрика особенно напирала на то, что как раз у меня меньше всего прав на эту книгу. Она принадлежит прежнему владельцу дома Арчера, некроманту по имени Седрик, если быть точнее, Седрику из Черной Гязи, который по какой-то причине забыл ее при переезде. На крайний случай – самому Арчеру, но никак не мне.

На все эти более чем резонные доводы у меня просто не было ответов. Пришлось рявкнуть во все горло, оборвав тем самым нескончаемый поток все новых и новых вопросов, и настойчиво посоветовать Ульрике вернуться в родной замок.

Ульрика, услышав в очередной раз, что я не держу ее и не прошу о помощи, опять обиделась и опять порадовала меня долгим отсутствием. Правда, через несколько часов она все-

таки вернулась и мрачно буркнула, что не в правилах феи сворачивать с полпути.

С замиранием сердца я ожидала вердикта Моргана. Я думала, что он не выдержит и уедет, напоследок обронив, что устал от моих тайн. Но маг опять остался. На его лице застыла столь непроницаемая маска, что при всем своем горячем желании я не могла понять, о чем он думал в этот момент. Лишь на самом дне темных непрозрачных глаз мерцал какой-то загадочный огонек. И почему-то мне было очень не по себе от оценивающего взгляда друга.

Так мы и оказались в этой глухомани. По словам Эдриана, книга была совсем рядом. Правда, ему требовалось некоторое время, чтобы определить, куда нам надлежит ехать дальше. Поэтому наш привал несколько затянулся.

Я переползла чуть в сторону, следуя за тенью высокого раскидистого дуба, в которой пыталась хоть немного спрятаться от зноя летнего дня. Еще раз с сомнением и опаской посмотрела вдаль. Ох, чует мое сердце, если мои друзья не вернутся в ближайшее время, то мы рискуем сегодня вымокнуть до нитки. Попробуй, найди здесь постоянный двор, под крышей которого можно было бы укрыться от приближающегося ненастья!

«Какой постоянный двор? – возмутился Эдриан. – Мечтай больше! Да здесь и никаких деревень на много миль вокруг нет. А жаль. Не сомневаюсь, что какой-нибудь сердобольный хозяин пустил бы вас на постой за пару медяков».

Мой спутник болтал еще о чем-то, но я его не слушала. Перевернулась со спины на живот, оперлась на землю локтем и удобно устроила на раскрытой ладони свой подбородок, устремив отсутствующий взгляд на быстро сгущающиеся у горизонта тучи. От духоты мои мысли были подобны сонным мухам. Я чувствовала себя так, будто спала с открытыми глазами. О чем я только что думала? Ах да, что будет гроза. Надо бы поискать укрытие. А где же так задержались мои друзья? Морган и Фрей ушли уже несколько часов назад. Собирались добыть дичи на обед и разведать местность. Лошадей при этом они не стали брать, сказав, что лучше разомнут ноги и без того уже устали от постоянной тряски в седле. Поэтому огромный вороной жеребец Моргана, которого, если честно, я откровенно побаивалась, мой флегматичный и ленивый мерин и коротконогий пони Фрея мирно паслись чуть поодаль от меня. Будем надеяться, что моим друзьям удастся обнаружить в этой глухомани дом какого-нибудь нелюдимого крестьянина, предпочитающего жить вдаль от шумного села и говорливых соседей, которым всегда есть до всего дело. И тогда...

Я широко зевнула, с трудом удерживая слипающиеся глаза открытыми. О чем это я? Сдается, я только что потеряла нить своих рассуждений. Итак, начну сначала. Мои друзья ушли пару часов назад. С ними увязалась и Ульрика, заявив, что тоже не против размять крылышки. Как-то их очень долго нет. Не могли ведь они заблудиться или забыть, где меня

оставили. И...

Одинокий комар вывел нудную трель мне на ухо. Я вздрогнула и открыла глаза. Ой, кажется, я все-таки задремала. И ничего удивительного. Слишком расслабляюще действует на меня этот безмятежный жаркий полдень.

«И все-таки, куда запропастился Морган и прочие?» – задумчиво спросил Эдриан. Удивительное дело, но его голос тоже прозвучал как-то разнежено, будто дух погибшего мага наравне со мной боролся с дрёмой.

Я пожала плечами. Точнее, попыталась это сделать. Простейшее действие потребовало столько сил, что я опять едва не заснула. Точнее, как раз-таки заснула, но при этом моя рука подогнулась, и я основательно приложила лбом об землю, что разбудило меня.

Это начинало мне не нравиться. Я чувствовала себя так, как будто все мои мышцы превратились в горячий кисель. Ничего не хотелось делать. Даже стремительно приближающееся ненастье не вызывало особого беспокойства. Да, я уже слышала глухое рокотание грома, видела ослепительные всполохи молний, разрывающие край горизонта, но над моей головой все еще простиралось голубое небо, а значит, мне не о чем тревожиться. Гроза вполне может обойти меня стороной. Да даже если и не обойдет – что в этом такого страшного? Чай, не сахарная, не растаю.

Стоило мне только так подумать, как все мои внутренности свело мучительным спазмом. Это произошло так внезапно.

но, будто я получила жестокий удар под дых. На глазах выступили слезы, губы искривились от желания застонать. Увы, у меня не хватило для этого воздуха.

Секунды, наполненные болью, отдавались стуком молота в моих висках. Я немо разевала рот, силясь втянуть в свои горящие огнем легкие хотя бы глоток воздуха. Но внезапно все закончилось так же резко, как и началось. Я вдруг обнаружила, что вновь могу дышать. Более того, куда-то пропало сонное оцепенение. Мои мысли были четкими и ясными, и я вскочила на ноги, осознав, что едва не угодила под действие какого-то заклинания.

«Странные чары, – протянул Эдриан, подтвердив тем самым мои рассуждения. – Очень странные. Я сам едва не поддался им. Лишь в последнюю секунду осознал, что дело нечисто. Прости, Мика. Тебе, наверное, было больно. Но зато это помогло тебе взбодриться».

Я зло фыркнула себе под нос, осознав, что именно Эдриан вызвал странный приступ, заставивший меня пережить столь яркие мгновения. Затем медленно опустилась обратно на землю. Получается, меня пытались околдовать. Но кто и зачем? При всем желании я не могла увидеть врага. Дуб, под кроной которого я искала спасения от солнца, высился почти по центру огромного поля. Всюду, куда только хватало глаз – бескрайняя трава, пожухлая от зноя.

«Вот именно, что трава, – сказал Эдриан. – Ползи – не хочу. Но не это главное. Ох, не нравится мне, что Моргана и

Фрея так долго нет. Уж не угодили ли они в ловушку?»

Я с такой силой сцепила зубы, что у меня заныли челюсти. Затем нарочито медленно уселась обратно, привалившись спиной к стволу дуба. Позволила рукам безжизненно упасть, при этом не забывая оглядывать окрестности через неплотно сомкнутые ресницы.

«Ты что это делаешь? – забеспокоился Эдриан. – Нашла время отдыхать! А ну вставай! И иди выручать друзей!»

Пойду, если мне кто-нибудь скажет, куда идти-то. Бегать по окрестным полям да лесам и завывать в полный голос, надеясь, что неведомый злодей в итоге усовестится и вернет мне товарищей? Глупо как-то. Нет, я буду действовать иначе. Сделаю вид, будто поддаюсь влиянию сонного заклятия, и дождусь, когда негодяй ко мне сам явится. А там воспользуюсь преимуществом неожиданного нападения, возьму его в плен и заставлю выложить как на духу, что все это значит!

«Возьмешь в плен? – скептически переспросил Эдриан. – Ну-ну. Как говорится, грозила мышка кошку съесть».

Есть предложения лучше? Я негромко вздохнула. Критиковать все горазды.

«Да нет, – смущенно отозвался Эдриан после секундного замешательства. – Возможно, ты и права. Просто... Будь осторожнее, что ли. Тебя пытались околдовать странными чарами. Не уверен, что их создал человек».

Ну что же, мне не привыкать к общению с сумеречными созданиями. Я позволила себе легкую усмешку. В конце кон-

цов, я и сама могу причислить себя к таковым.

А затем мне стало не до посторонних разговоров. Вдруг повеяло холодом. Пахнуло свежестью дождя, будто гроза наконец-то добралась до меня. Но над моей головой все так же простиралось голубое небо. Даже далекий гром на время притих, хотя край небес продолжал угрожающе клубиться черными тучами. И около моих ног заструились тени.

«Как, опять дракон? – удивленно спросил Эдриан. – С прискорбием заявляю, что ты как манок для этих крылатых ящериц, Мика».

Но Эдриан ошибался. Спустя мгновение я услышала странный шелест в траве. Словно сухие змеиные чешуйки терлись друг о друга. По полю пробежала зябь, но не от ветра. Что-то приближалось ко мне. Оно ползло по земле, неумолимо прокладывая себе путь. И лишь величайшим усилием воли я заставила себя не шевелиться, хотя первым моим порывом было вскочить и освободить из ножен в сапогах подарок герпентола, мастера клинков, безупречно острый кинжал.

Пальцы ног зудели от напряжения. Я подавила такое понятное желание поджать их – а то вдруг вцепится какая-нибудь ползучая гадость.

И спустя мгновение мое мучительное ожидание было вознаграждено. Из травы вдруг выступила женщина. Понятия не имею, как она это проделала. Но ее не было – и вдруг оказалось, что я смотрю на нее. Хотя могла бы поклясться, что

она не появилась из теней, как драконы.

«Способность становиться невидимой, как у феи?» – предположил Эдриан.

Мне было не до рассуждений на эту тему. Забыв о своем намерении притвориться спящей и неожиданно напасть на противника, я смотрела на незнакомку во все глаза, от удивления даже раскрыв рот. Потому что никогда прежде я не видела такой красавицы. Даже холеная гордячка нейна Деяна не шла ни в какое сравнение с ней. Высокая, очень стройная, она стояла в плотно обтягивающем платье телесного цвета. Из-за этого в первое мгновение мне даже показалось, будто женщина явилась обнаженной. Длинные волосы необычного багрово-красного оттенка стекали по ее хрупким плечам. Спокойные ярко-синие глаза взирали на меня.

– Так-так-так, – пропел ее мелодичный голосок. – Кого же гроза принесла в мои края? Маленький паучок. Крохотный, только недавно освободившийся из кокона материнской паутины. Теперь я понимаю, почему ты осталась равнодушной к моей песне сна.

Я перевела взгляд на землю подле незнакомки, уже зная, что увижу. Потому что передо мной была арахния.

– В моем доме сегодня будет настоящее столпотворение, – продолжила незнакомка, убедившись, что я разглядела ее тень. – Маг, посланник бога, фея, странная собака. И ты, моя соплеменница. Давненько я не принимала гостей.

– Мои друзья!.. – вскинулась я, ощутив укол тревоги. –

Что ты сделала с ними?

Но женщина, будто не услышав меня, уже шла прочь. Что мне оставалось делать? Лишь поспешить за ней, надеясь, что она не исчезнет так же неожиданно, как и явилась.

За нами, словно на невидимой привязи, потянулись и лошади. Причем вороной Моргана еще пытался сопротивляться. Он несколько раз встал на дыбы, хрипя и роняя с губ белую пенную слюну, но стоило только арахнии бросить взгляд через плечо, как его ярость и бешенство мгновенно улеглись, и он послушно затрусил вслед за остальными животными.

* * *

Как оказалось, арахния жила в огромном доме на берегу небольшой спокойной речки. Сразу за оградой имения начинался темный хвойный лес, густо заваленный валежником. Само жилище и плодовый сад вокруг него производили удручающее впечатление. За старыми яблонями давно никто не ухаживал. Сухие ветки, сломанные ветром, оставались на деревьях, дорожка к дому была покрыта множеством опавших незрелых плодов. Они неприятно хрустели под моими сапогами, и мне почему-то на ум пришло сравнение с раздавленными насекомыми.

Мой взгляд наткнулся на мраморную статую, приткнувшуюся между двумя засохшими деревьями. Она изображала скорбящую женщину. Руки в немой просьбе прижаты к гру-

ди, лицо вскинута к небесам, платок сполз с волос на плечи.

Статуя была выполнена с таким мастерством, что мне невольно стало не по себе. Казалось, будто женщина вот-вот пошевелится, рухнет на колени и примется изо всех сил молиться богам.

– Творение моего мужа, – не оглядываясь, обронила арахния. – Он изобразил свою первую жену в тот момент, когда она узнала о смерти их единственного сына.

Я гулко сглотнула и поежилась. Как-то все это было очень странно. Какой мужчина додумается в столь страшный момент подмечать выражение лица супруги и позу несчастной, убитой горем женщины для того, чтобы позже запечатлеть ее отчаяние и скорбь в камне?

– Мой муж вообще очень... необычный человек, – проговорила арахния, опять-таки не кинув и взгляда в мою сторону, но без особых проблем догадавшись, какие мысли меня тревожили в этот момент. Затем на мгновение замаялась и исправилась: – Точнее, был необычным человеком.

– Он умер? – хрипло поинтересовалась я.

– Можно сказать и так, – как-то совсем уж загадочно хмыкнула арахния, но пояснять свои слова не стала.

Между тем мы миновали заросшую пыльными лопухами клумбу, где одинокий чахлый цветок из последних сил сражался с нашествием сорняков, и подошли к высокому каменному крыльцу, чьи перила были плотно увиты темно-зеленым болотным плющом.

– Не советую тебе дотрагиваться до этого растения, – небрежно обронила арахния, заметив, что я потянулась к глянцевому крупному листу. – Оно ядовито. Ты сильно обожжешься.

Я тотчас же отдернула руку. С удивлением воззрилась на женщину, но она уже неспешно поднималась по ступеням. Кстати, сама она при этом совершенно спокойно вела ладонью по перилам, словно лаская плющ, и тот от ее прикосновений на глазах зеленел и набирал силу.

«Она же арахния, – напомнил мне Эдриан то, что я и так не забывала. – То бишь, обладает устойчивостью ко всем ядам. А твоя тень еще не преобразовалась в должной мере. Нет, ты, конечно, вряд ли умрешь от отравления, но определенные неудобства от него все еще способна испытывать».

Около самой двери, ведущей в дом, незнакомка остановилась и бросила на меня быстрый взгляд, при этом с ленивым ожиданием изогнув бровь. Я прекрасно поняла намек и быстро взбежала по ступеням, по вполне очевидной причине стараясь держаться как можно дальше от перил, увитых ядовитыми плетями.

– Будь моей гостьей, – обронила женщина. – О лошадях не беспокойся. Слуга займется ими.

И первой вошла в дом.

Я обернулась и в последний раз посмотрела на неухоженный сад, странную мраморную статую, сплошную стену леса за оградой и наших несчастных животных, неуверенно мну-

щихся у ступеней крыльца. Интересно, про какого слугу говорила арахния? Я никого не вижу. Но в этот момент в пушистую пыль перед крыльцом упала первая крупная капля дождя. Где-то рядом потемневшие небеса разорвало ветвистой голубой молнией, и тут же грянул гром, да так, что от неожиданности я даже присела и на всякий случай прикрыла голову руками. Лошади ответили согласным жалобным ржанием, но при этом не двинулись с места.

«Не нравится мне эта паучиха и не нравится мне этот дом, – пробормотал Эдриан. – Однако если ты проигнорируешь ее приглашение, то вымокнешь до нитки. К тому же ощущение книги стало ярче. Она где-то рядом, если не здесь».

Я несколько раз глубоко вздохнула, затем на всякий случай задержала дыхание и смело вошла в загадочное жилище.

Вопреки моему ожиданию, мне не пришлось жмуриться и привыкать к темноте. Внутри меня встретила освещенная просторная прихожая. Яркий магический шар величаво плавал под потолком, давая не только свет, но и тепло. Стоило мне закрыть за собой дверь, как в небесах вновь громыхнуло, и хлынул ливень.

Арахния ожидала меня около лестницы, ведущей на второй этаж. Она холодно улыбалась, видимо, позабавленная моей нерешительностью, после чего даже не сказала – почти пропела:

– Твои друзья ждут нас в гостиной. В такую погоду было

бы не лишним взбодриться бокалом горячего вина со специями. Не правда ли?

Я кашлянула, пытаюсь скрыть недовольную руладу своего желудка. Если честно, я бы не отказалась от чего-нибудь более существенного. Завтрак был так давно, если им вообще можно назвать сухую краюшку хлеба и глоток обычной воды. Боюсь, от первого же бокала я захмелею и натворю глупостей.

«Стоит заметить, трезвой ты тоже способна на полнейшее безрассудство, – язвительно напомнил Эдриан. – Как говорится, зачем тебе пьяная дурость, если и своей с избытком».

Я мысленно фыркнула. Ишь ты, какие речи завел. Вообще-то, я могу и обидеться.

– Впрочем, я думаю, ты вряд ли откажешься и от горячего обеда, – продолжила после короткой паузы арахния.

Мой желудок опять неприлично забурчал, и я невольно покраснела, заметив усмешку арахнии. Ну что поделать, если я не властна над таким проявлением своеволия со стороны своего тела!

– Не извиняйся, – милостиво обронила незнакомка, заметив, что я открыла было рот. – Не надо. Я прекрасно помню свой ненасытный аппетит до превращения. Казалось, будто я могу есть днями напролет. Крайне неприятная особенность организма. Хорошо, что сейчас все иначе.

Я опустила голову и прикусила губу, удерживая себя от резкого замечания. Хорошо, что сейчас все иначе? Для кого

хорошо-то, хотелось бы знать? Неужели для ее мужа? Что-то мне кажется, что он мертв и в его смерти виновата именно супруга, предпочитающая питаться жизненной энергией бедолаг, волею случая оказавшихся рядом с нею.

– Пойдем, – мягко проговорила арахния. Склонив голову, она рассматривала меня с таким интересом, будто перед ней предстала неведомая прежде зверушка. – Твои друзья заждались.

Я с молчаливым вызовом вскинула подбородок и сжала кулаки, пытаюсь не обращать внимания на мучительную тревогу, исподволь снедающую мои внутренности. Ну ладно, посмотрим, что хозяйка странного дома сделала с моими товарищами. Надеюсь, они живы.

Между тем арахния, не дожидаясь моего ответа, развернулась и неспешно проплыла мимо лестницы к дальней двери. Ее невесомое платье с тихим змеиным шорохом подметало пол.

Я последовала за ней, на всякий случай приготовившись к самому худшему. В глубине души я предполагала, что увижу своих друзей связанными, возможно, без сознания. И еще повезет, если при этом они не будут ранеными.

Реальность оказалась совершенно иной.

Когда я вошла в гостиную, мучимая самыми дурными предположениями, то увидела всю троицу мирно распивающей вино около растопленного камина.

Это была настолько невероятная картина, что я остано-

лась как вкопанная, зажмурилась и как следует потрясла головой, после чего опять взглянула на сие безобразие.

Нет, я, конечно, была очень рада, что с моими друзьями все в полном порядке. Но я ведь переживала за них, волновалась, думала, что они угодили в страшную беду! А эти нехорошие личности, оказывается, и в ус себе не дуют. Сидят и винцо попивают.

– О, Мика, привет! – Ульрика, удобно расположившаяся на спинке одного из кресел, отсалютовала мне бокалом, после чего пригубила его и аж зажмурилась от удовольствия.

Мышка, вольготно разлегшаяся на диване, поставила ушки торчком и тявкнула в знак приветствия.

А вот Фрей и Морган не обратили на мое появление ни малейшего внимания. Они сидели вплотную к камину и зачарованно смотрели в огонь, меланхолично попивая вино.

Я опять потрясла головой. Разожженный камин в такое летнее пекло? Ну это уж чересчур!

«Не торопись с выводами, Мика, – предостерег меня Эдриан. – Смотри, какой странный огонь. Не ярко-оранжевый, а какой-то зеленоватый с сиреневыми тонами. Ну-ка, подойди ближе!»

Я повиновалась, пытаясь при этом взглядом испепелить моих нерадивых товарищей. Ну надо же! Хотя бы слово или взгляд в мою сторону кинули, показав, что увидели меня.

Когда до камина оставался всего шаг, я остановилась от удивления. Да, Эдриан прав, этот огонь очень и очень

необычный. От него идет не жар, а приятная морозная свежесть. А еще...

Я вздрогнула и торопливо отвела взгляд, почувствовав, как мой разум словно засасывает в глубину пламени. Переливы холодных тонов заволакивали. Темно-зеленый переходил в сиреневый, сиреневый – в фиолетовый, а тот через черный вновь возвращался к зеленому. Хотелось смотреть и смотреть на это волшебство.

«Еще одно одурманивающее заклинание, – недовольно пробурчал Эдриан. – По всей видимости, хозяйка этого дома – настоящий мастер в подобного рода вещах. И, сдается, Морган и Фрей не просто так не отреагировали на твое появление. По-моему, они находятся под властью этих чар и не способны даже моргнуть без разрешения арахнии».

В этот самый момент Морган вздрогнул и с усилием перевел взгляд на меня. Очень медленно произнес, странно растягивая слога:

– Привет, Тамика! Рад, что ты наконец-то дошла до нас. Сядь, отдохни. Этот огонь – настоящее чудо!

– О да, вижу! – с сарказмом воскликнула я. – Морган, ты в своем уме? А еще стихийник, вроде как сильнейший маг! Сидишь тут как ни в чем не бывало. Ты вообще в курсе, что тебя околдовали?

Морган растерянно моргнул, да так и замер с закрытыми глазами. На мгновение мне показалось, что он заснул, но маг опять посмотрел на меня. Его глаза казались совершен-

но черными из-за неестественно расширенных зрачков. Однако чем дольше он смотрел на меня, тем сильнее они сужались, медленно, но верно возвращаясь к своему обычному размеру.

– Тамика, – опять произнес Морган мое имя. Но теперь его голос звучал обычно. Ну, почти. Некая заторможенность в его речи еще присутствовала. – Тамика, что со мной?

– Откуда мне знать? – Я флегматично пожала плечами. – Когда я вошла, то ты сидел и чуть ли не пускал слюни, глаза в огонь. Вон, Фрей и сейчас этим занимается.

Морган искоса глянул на нашего общего приятеля, который продолжал завороченно наблюдать за танцем огня, неосторожно перевел взгляд на пламя, но почти сразу зажмурился и со всей силой стукнулся затылком о высокую спинку кресла.

– Странная магия, – прошептал он. – Очень странная. Действует не в лоб, а околдовывает постепенно. И я едва не угодил в эту ловушку.

– Вообще-то, угодил, – подала голос Ульрика, которая с язвительной усмешкой наблюдала за нашим разговором. – Так что не льсти себе. Если бы не Мика – то ты бы так и продолжал делиться энергией с паучихой, свившей гнездо в этом доме. Вполне вероятно, она бы выдоила тебя досуха, после чего кинула умирать в лесу.

– Так ты была в курсе? – Морган встал, стараясь при этом держаться так, чтобы даже ненароком не увидеть камина, ко-

торый остался у него за спиной.

– Угу. – Ульрика кивнула, по всей видимости, не испытывая никаких угрызений совести по этому поводу.

Морган явно опешил от столь наглого заявления. Он промышчал что-то неразборчивое и шагнул к фее, словно став выше ростом. Та, сообразив-таки, что в очередной раз переступила грань дозволенного, испуганно пискнула и взмыла под потолок, правда, при этом не забыла прихватить с собой бокал вина.

– Почему? – взвыл Морган, и воздух вокруг него начал опасно потрескивать, говоря о том, что он, будучи во власти эмоций, начал формулировать какое-то заклинание. – Ульрика, во имя всех богов, почему ты не предупредила меня?

– Хотела посмотреть, чем все это закончится, – просто-душно призналась она, после чего с негромким хлопком поспешила стать невидимой, поскольку Морган начал поднимать руку, а его пальцы при этом грозно засветились ярко-алым.

– Зараза! – горячо выругался тот, обнаружив, что цель исчезла. – Какая же она все-таки... – покосился на меня и с тяжелым вздохом завершил: – Какая же она все-таки нехорошая! Сколько лет знаю – а все никак не могу привыкнуть к ее отвратительному характеру и страстному желанию делать пакости окружающим.

– Между прочим, если бы вам грозило нечто действительно серьезное, то Мышка предупредила бы хозяина, – оби-

женно отозвалась Ульрика, благоразумно не показываясь на глаза Моргану. – А она между тем разлеглась на диване и блаженствует. Значит, все в порядке.

Мышка, сообразив, что речь идет о ней, подняла голову. Затем спрыгнула с дивана и отправилась к Фрею. Села подле его ног и пару раз внушительно гавкнула, будто пытаясь таким образом показать нам, что, несмотря ни на что, остается на страже хозяина.

– Я думаю, стоит отвернуть Фрея от огня, – предложила я. – Полагаю, после этого он быстро придет в себя.

– А я никуда и не уходил, чтобы приходить в себя, – неожиданно отозвался тот. Причем, что самое удивительное, голос у него при этом был совершенно обычным. Ни намек на ту разнеженную слабость, которая нет-нет, да проскальзывала еще в тоне Моргана.

– С тобой все в порядке? – удивленно поинтересовалась я.

– Ага! – довольно подтвердил Фрей. Одним глотком осушил бокал, который до того баюкал в ладони, и посмотрел на меня совершенно чистым, незамутненным никаким колдовством взором.

– Ну а ты-то почему не пришел ко мне на помощь?! – взвыл Морган, видимо, пораженный этим обстоятельством до глубины души. – Друг, называется! Ладно бы Ульрика, – но ты!

– А что случилось-то? – Фрей недоуменно нахмурился и, в свою очередь, поднялся с кресла. – Я понятия не имел,

что что-то идет не так. Думал, что ты расслабляешься, как и я. Ух, какой прилив энергии я чувствую! Будто отсыпался неделю кряду! Разве с тобой не так?

– Не так, – хмуро обронил Морган. – Далеко не так. Я, напротив, чувствую себя так, будто на мне пахали несколько суток подряд. Все мышцы ноют.

– Бедный! – искренне посочувствовал ему Фрей. – Но я же не знал!

– Так, хватит жалеть друг друга! – приказала я. – Кто тут бедный, так это я! Какого демона вы оставили меня на том поле загорать? Я думала, что вы попали в беду! А вы тут прохлаждались, оказывается. Винцо попивали, в камин глазели!

– Лучше бы я остался загорать с тобой, – с жалобным вздохом выдавил из себя Морган и устало опустил в кресло, прежде мудро развернув его спинкой к колдовскому огню. Понурился, тяжело уронив между коленей руки, после чего задумчиво добавил: – Видимо, этот огонь действует только на магов. Что же, далеко не лишняя предосторожность. Хозяин этого дома явно не желает, чтобы кто-нибудь из гостей сумел причинить ему вред.

Резон в словах Моргана, несомненно, присутствовал. Если честно, выглядел сейчас маг действительно так себе. Под глазами залегли глубокие черные тени, и без того высокие скулы заострились еще сильнее, грозя прорвать кожу. Создавалось такое впечатление, будто бедняге на самом деле пришлось долго и упорно трудиться.

Я ощутила укол жалости к несчастному. Судя по тому, как Фрей смущенно потупился, ему тоже стало не по себе. И только Ульрике оказалась по душе промашка мага, приведшая к таким последствиям. Об этом можно было судить по ядовитому смешку, раздавшемуся из пустоты.

– Как вижу, разговор друзей в самом разгаре, – прервал затянувшуюся неловкую паузу мелодичный голос арахнии.

Я стремительно обернулась к порогу. Незнакомка, приведшая меня сюда и почти сразу выскользнувшая из гостиной, вернулась, успев за время своего краткого отсутствия сменить телесного цвета платье на огненно-алый наряд, подчеркивающий необычный оттенок ее волос. Она улыбнулась мне и словно нехотя скрестила на груди руки.

Сверкнули пламенем драгоценных камней массивные перстни, украшающие ее тонкие пальцы. В унисон этому за окном новая молния разорвала низкую хмарь затянутого тучами неба. Но грома я не услышала. Лишь в камине особенно громко треснула какая-то ветка, пожираемая странным огнем.

– Что все это значит? – спросила я, глядя на арахнию в упор. – Зачем ты пыталась одурманить моих друзей?

– Если бы я пыталась это сделать, то сделала бы, – негромко отозвалась арахния. – И тогда ты обнаружила бы их крепко спящими. Нет, у меня и в мыслях не было подобного.

– А что насчет него? – сухо поинтересовалась я, кивком указав на бледного после перенесенного испытания Морга-

на, который внимательно прислушивался к нашему разговору, но не делал попытки вмешаться.

— О, это не моя вина. — Арахния смущенно пожала плечами. — В этом доме... Здесь многое осталось от моего мужа. Не уверена, что знаю все его секреты и ловушки, оставленные мне в наследство. Право слово, я предположить не могла, что ваш друг отреагирует на огонь подобным образом. По всей видимости, это какая-то индивидуальная реакция. Ведь другой ваш приятель чувствует себя в полном порядке, не так ли?

— О да! — заверил ее Фрей, здраво рассудив, что речь идет именно о нем.

— Чем больше я узнаю о вашем муже, тем больше он мне не нравится, — буркнула я, в очередной раз вспомнив скорбящую статую в саду.

— Самое забавное, что я некогда думала так же, — флегматично сказала арахния. — Чем больше я узнавала о своем муже, тем больше он мне не нравился. Хорошо, что времена нашего счастливого супружества в прошлом.

— А что насчет меня? — продолжила я насаждать на хозяйку дома, не дав свернуть разговору в другую сторону. — Почему вы использовали сонное заклятие против меня?

— Ну... — Арахния неожиданно смутилась и едва заметно покраснела. — Ты все-таки паучок. Пусть маленький, но все же. Укусить ты меня могла пребольно. Поверь, я не замышляла ничего дурного против тебя. Просто желала обез-

опасить себя и сделать так, чтобы наш разговор прошел по возможности мирно.

– О чем нам с вами разговаривать? – ляпнула я.

Да, это прозвучало грубо, даже очень, но я в упор не понимала, что делаю в этом доме. Зачем арахния заманила сюда моих друзей? Я не сомневалась, что по доброй воле они бы ни за что не пришли в логово паучихи. Получается, они все-таки находятся под властью ее чар, пусть и не осознают их. А потом, вызнав, что в их компании был еще один участник, она вернулась за мной. Ох, как-то мне все это очень не нравится!

И я выразительно передернула плечами, продолжая в упор смотреть на арахнию.

– Не беспокойся, на твоих друзьях нет никакого заклятья, – проговорила та, опять поразив меня своим умением отгадывать мои мысли. – Происшествие с камином – это досадное недоразумение. Клянусь тенью, что у меня и в мыслях не было причинить вред какому-нибудь из твоих спутников! И пришли они в мой дом сами, не будучи под моим влиянием.

– И зачем же им было это делать? – недоверчиво поинтересовалась я.

– Она нам понравилась, – вмешалась в разговор Ульрика. Противная фея материализовалась на спинке самого дальнего от Моргана кресла.

Понравилась? Я удивленно вскинула бровь. Пожалуй, лю-

бое иное объяснение прозвучало бы менее дико и неправдоподобно, чем это. С каких это пор Морган, этот недоверчивый скептик, пренебрегает собственной безопасностью из-за симпатии к первой встречной и бездумно отправляется в чужой дом? Причем ладно бы пригласил их человек. Но хозяйкой сего жилища является арахния, и тот же Морган не мог этого не заметить! Что скрывать очевидное, пауков не любят и опасаются почти все.

– Кстати, если ты думаешь обо мне, то я был против, – в этот же момент подал голос маг. – Но мне пришлось подчиниться мнению большинства.

– Каюсь, это я настоял, – виновато пробасил Фрей. – Просто сия милая незнакомка выглядела такой расстроенной, что я просто не мог не предложить ей нашу помощь.

– А давайте вы начнете сначала, – предложила я, почувствовав, что окончательно запуталась во всем этом. – Итак, вы отправились на разведку местности ранним утром, еще до того, как начало жарить солнце. И что же было потом?

Мои товарищи переглянулись, и слово взял Фрей. По всей видимости, именно он считал себя ответственным за знакомство с арахнией и визит в ее дом.

Итак, они отправились к ближайшему лесу, надеясь при помощи магии и природной ловкости добыть кролика или какую-нибудь жирную куропатку на обед. Помимо этого фея утверждала, будто чувствует запах жилья с той стороны. А значит, при должном везении они рассчитывали отыскать

хижину местного отшельника и напроситься на постой. В крайнем случае разузнать о новостях и разжиться нехитрой снедью за пару медяков.

Но ожидала их иная находка. На опушке перед темным загадочным еловым лесом, словно сошедшим со страниц какой-нибудь детской страшной сказки, сидела незнакомая красавица и горько лила слезы.

При этих словах я недоверчиво взглянула на арахнию, которая внимала рассказу Фрея с едва заметной улыбкой на губах. По всей видимости, речь идет именно о ней. Но при всем своем буйном воображении я не могла представить ее плачущей.

– Да-да, ты правильно поняла, – спокойно и без малейшего стеснения подтвердила арахния. – Это была я. И я действительно плакала.

– И часто вы оглашаете окрестные леса своими рыданиями? – со скепсисом спросила я.

– Бывает. – Арахния слабо хмыкнула и задумчиво потерла ладони, от чего перстни на ее пальцах вспыхнули стократ сильнее, отразив свет магического шара, плавающего под потолком. А паучиха уже продолжала, сделав какой-то неопределенный жест: – Мне часто бывает грустно. И сейчас ты поймешь, почему.

– Морган не хотел пускать меня, – продолжил Фрей, дождавшись паузы в нашем недолгом обмене репликами. – Он сразу разгадал, кто перед нами, и посчитал это ловушкой. Но

я... В общем, я не мог пройти мимо. Просто не мог. Да, я тоже слышал про арахний много чего плохого. Но в конце концов, ты ведь тоже почти принадлежишь к этому племени. И я бы не назвал тебя исчадием Альтиса.

– К тому же вас сопровождала собака, – тихо добавила арахния и косо глянула на Мышку, которая по-прежнему нежилась на диване. – Пожирательница теней... Да ни одно сумеречное создание в здравом уме не осмелится напасть на вас, пока она рядом!

– Мышка добрая, – привычно возразил Фрей. – Она никогда и никому...

И тут же осекся, видимо, вспомнив наши недавние приключения в драконьем замке. Полагаю, очень многие тамошние обитатели не согласились бы с его утверждением. Вспомнить хотя бы бедного теневого привратника по имени Сумрак. Или нейну Деяну, чью тень изрядно потрепали.

– В общем, это все равно не относится к теме нашего разговора, – пробурчал Фрей, благоразумно решив не углубляться в спорный вопрос о характере своего питомца. – Так или иначе, но я подошел к Миколике и спросил, почему она, собственно, слезы льет.

Миколика? Я сделала мысленную заметку. Вот как зовут нашу новую знакомую. Красивое имя.

«А самое забавное, что сокращенно ее наверняка тоже кличут Микой», – фыркнул Эдриан.

– Естественно, тогда я еще не знал, как ее зовут, – испра-

вился Фрей. — Мы разговорились, она сказала свое имя, я назвал свое. И оказалось, что ее дом совсем рядом. А плачет она потому, что супруг чарами привязал ее к этому жилищу. Она может гулять по окрестностям без ограничений, но с закатом обязана возвращаться домой.

— Это мое проклятие, — тяжело вздохнула Миколика. — Мой муж... Он был великим магом. И, как у многих могущественных колдунов, у него имелось множество странных привычек. В начале нашей совместной жизни я считала, что мне очень повезло. Как все присутствующие прекрасно знают, арахниям необходимо питаться жизненной энергией окружающих. Без этого они не смогут существовать. Но далеко не всех нас приводит в восторг эта вынужденная мера. Да, нас принято называть любимицами Альтиса, что вроде как подразумевает нашу природную испорченность и изначальную принадлежность к злым силам. Но это не так, совсем не так. Многие из нас стыдятся своей натуры, многие пытаются изменить ее. Лично я до замужества редко где останавливалась более чем на полгода, максимум — год. Это было очень тяжело. Не жизнь, а постоянное бегство от собственной тени, медленно, но неотвратимо убивающей тех, кто стал мне дорог. И чем сильнее я любила человека, тем скорее действовал мой яд. Приходилось рвать свое сердце на части. Каждое расставание — как маленькая смерть, но смерть моя. С этим я могла смириться. Эта была моя цена за красоту, которую я не просила, и за тень, которую возне-

навидела.

Арахния замолчала. В ее глазах дрожали, переливаясь, крупные слезы. Я отвела взгляд. Да, теперь я понимала, почему Фрей поверил ей. Если она играла – то делала это просто гениально! К тому же, что скрывать, ее переживания были слишком близки мне. Я тоже пыталась изменить свою судьбу, не желая принимать тень паука.

– Так или иначе, но после встречи со сьером Виллоби Эйром все изменилось, – тихо проговорила Миколика, небрежно смахнув слезы тыльной стороной ладони. – Как ни странно, мы повстречались случайно на постоялом дворе. Я была в очередной дороге, искала новый дом, где смогла бы спокойно провести несколько месяцев до тех пор, пока на лицах окружающих людей не выступит тень усталости и изнеможения. Как это часто бывает, одинокая красивая женщина привлекла ненужное внимание отребья. Когда я возвращалась к себе в комнату, то на меня напали и попытались затащить в темную пустую каморку. Надеюсь, не стоит объяснять, для каких целей. Внутренне я даже возликовала. Да, совесть не давала мне «питаться» в свое удовольствие обычными людьми, но я не чувствовала никаких угрызений, когда в мои руки попадали мерзавцы. Их я могла выпить досуха, а столь обильная трапеза гарантировала, что еще долгое время я не буду испытывать особой нужды в пропитании. И вот в процессе моего так называемого ужина меня застал Виллоби. Он услышал шум, выглянул из своей комнаты и

увидел, как парочка мужчин весьма разбойной наружности куда-то тащат незнакомую женщину. Естественно, он решил помочь, не подозревая, что помощь на самом деле требуется тем, кто на меня напал. И явился в тот самый момент, когда я уже выпустила своего паука на волю. — Миколика сделала паузу, провела языком по пересохшим губам и прищелкнула пальцами. Тотчас же со столика сам собою взмыл бокал, наполнился вином из ближайшей бутылки и ловко спланировал ей в руки.

Мои брови сами собой поползли на лоб. Ого, я тоже так хочу!

«Дешевый трюк, — со снисходительным презрением мгновенно отозвался Эдриан. — Ничего сложного тут нет. Как будет свободное время — я тебя научу».

— Я испугалась, что незнакомец поднимет шум и меня схватят, — продолжила свой нелегкий рассказ Миколика. — Тем более доказательства моей вины были очевидны. Они валялись у моих ног, пока еще живые, но бесчувственные. Однако мужчина лишь криво усмехнулся и предложил мне завершить свою трапезу. Мол, он не имеет ничего против, если я сделаю сразу два добрых дела: уменьшу количество негодяев в нашей стране и заодно утолю свой голод. Я... Я послушалась его. Мой паук слишком давно голодал, довольствуясь жалкими крохами энергии. Аромат духов приближающейся странницы в белом будоражил его, он почти не подчинялся мне. И я убила этих мерзавцев. Выпила до дна, как

я выпиваю вино. Осудишь меня за это?

С этими словами она в упор посмотрела на меня и одним глотком осушила бокал, после чего он вновь по воздуху вернулся за добавкой к столику с напитками.

Вместо ответа я пробурчала нечто невразумительное и неопределенно пожала плечами. Осуждаю ли я ее за это? Нет, не осуждаю. Вспомнился герпентол, принявший облик деревенского священника. Я не испытала ни капли сожаления, когда Фрей уничтожил его тень, а ведь для сумеречных созданий подобная участь куда хуже смерти.

– После всего этого Виллоби помог мне спрятать тела, – глухо сказала Миколика, разглядывая вернувшийся в ее руки полный бокал вина на просвет. – Мы разговорились. Удивительное дело, но я рассказала ему все. Всю правду о себе. Никогда и ни с кем я не была настолько откровенной. Казалось, будто этого человека я знаю с самого рождения. Он выслушал про мое постоянное бегство от своей тени. А затем предложил выйти за него замуж. Это было так... странно. Он произнес это настолько спокойным голосом, будто для него все происходящее являлось в порядке вещей. Помню, я даже пошутила, много ли у него было жен, раз он так легко относится к ритуалу связывания судеб. А Виллоби таким же равнодушно-отстраненным тоном признался, что я буду второй. Он пообещал мне, что мое вечное бегство после замужества прекратится. Он найдет способ снабдить меня достаточным количеством энергии, и мне не придется больше

жить за счет других. Ведь все арахнии, как ни прискорбно осознавать, но своего рода паразиты. А я больше не хотела так жить! Не хотела и не могла!

– И ты согласилась? – спросила я, сама не заметив при этом, что оставила свой подчеркнуто вежливый тон. Слишком захватила меня эта удивительная история, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

– Если честно, я не приняла предложение Виллоби всерьез. – Миколика грустно улыбнулась. – Оно выглядело как неловкая шутка, розыгрыш, попытка развеселить меня после произошедшего. Поэтому, да, понимаю, что глупо, но я ответила, что согласна. Думала, что он после этого рассмеется или же, скорее всего, смутится и начнет извиняться, будто я его неверно поняла. Однако Виллоби обрадовался и потащил меня в ближайший храм. Признаюсь, наверное, в тот момент я была пьяна и не совсем осознавала, что происходит. Такое количество энергии после долгого периода воздержания... Оно не могло не ударить мне в голову. Чудилось, будто я могу изменить весь мир.

Миколика опустила голову и потеряла переносицу. Ее пальцы дрожали все сильнее и сильнее, видимо, она приближалась к самому неприятному моменту в своем рассказе.

– Когда я проснулась утром и обнаружила Виллоби в постели с собой, то события минувшей ночи обрушились на меня подобно карающему молоту богов, – негромко проговорила она, невидящим взглядом уставившись в окно, зали-

ваемое снаружи потоками бушующего ливня. — И я вспомнила, что Виллоби ночью все-таки удалось разбудить священника. Тот долго кричал, грозил нам всевозможными карами небесными. Но золото заставило его замолчать. Понятия не имею, сколько Виллоби ему заплатил. Думаю, что много, очень много. И заспанный священник в глухую полночь провел свадебный ритуал.

Миколика подняла правую руку, продемонстрировав покрытый зеленой патиной времени медный браслет, туго обхвативший ее хрупкое запястье.

— Не могу снять, — с кривой усмешкой проговорила она, изо всех сил дернув его. — Одно время я даже собиралась воспользоваться топором. Ну, знаете, как лиса, попавшая в западню, отгрызает себе лапу...

Я передернулась от отвращения и ужаса, сообразив, о чем она говорит. О небо, да какое же чудовище скрывалось под маской ее мужа, раз несчастная готова была пойти на столь крайнюю меру, лишь бы избавиться от напоминания о своем несчастливом браке?

— Виллоби извинился, что не успел подыскать браслета лучше. — Миколика не заметила моей реакции. Она стояла, словно не чувствуя, какие напряженные взоры на ней сейчас сосредоточены. Фрей смотрел на нее с тревогой и жалостью, Морган — с хмурой сосредоточенностью, даже во взгляде Ульрики проскальзывало сочувствие. — Он видел, в каком я была смятении из-за столь резкого поворота в своей судьбе,

но лишь смеялся и уговаривал меня не тревожиться. Мол, он помнит свои обещания и исполнит их. Если я буду верна ему, то он сделает так, чтобы я навсегда забыла о страхе быть разоблаченной. И я в очередной раз поверила ему. Он умел быть убедительным.

Миколика неторопливо прошла по комнате, рассыпав по дорожному старинному паркету дробь своих высоких каблуков. Распущенные волосы обнимали ее багряными всполохами, будто огонь плясал в ее прическе.

– Виллоби привез меня сюда. – Миколика остановилась напротив окна и приложила ладонь к стеклу. В смутном отражении я видела, что слезы начали струиться по ее лицу. – Некоторое время я считала, будто угодила в сказку. Виллоби предугадывал малейшее мое желание. Он действительно с избытком снабжал меня энергией, принося ее в стеклянных сосудах. Тогда я понятия не имела, откуда он ее добывал. Конечно, я пыталась расспрашивать, но Виллоби лишь отшучивался. Он вообще очень любил смеяться. Мог расхохотаться при самом серьезном разговоре. Это удивляло, но я решила, что у каждого должны быть свои недостатки и небольшие странности. Безупречных людей не существует. Однако достаточно скоро я убедилась, что у моего супруга тараканов в голове было намного больше, чем мне представлялось. Да что там – тараканы! В его разуме жили настоящие чудовища, до поры до времени скрывающие свой кровожадный нрав.

Миколика вздохнула. Стекло запотело от этого, и она бездумно провела по нему пальцем, нарисовав глаз, перечеркнутый молнией. При виде этого символа я вздрогнула. Знак Альтиса! Неужели Виллоби оказался слугой бога мертвых?

Впрочем, Миколика почти сразу стерла свое художество, повернулась к нам и виновато улыбнулась.

– Первым звоночком стало заклятие, привязавшее меня к дому, – проговорила она, вновь скрестив на груди руки. – Как вы успели заметить, мой муж предпочитал одиночество. Здесь на много миль не найдешь другого жилья. И очень скоро я стала задыхаться от скуки. Днем Виллоби чаще всего отсыпался, а ночью запирался в подвале, где проводил какие-то эксперименты. Хлопоты по хозяйству занимали мало времени, к грядкам и огороду душа у меня никогда не лежала. В еде мой муж был неприхотлив и никогда не требовал изысканных яств. В общем, свободного времени у меня оказалось с избытком. Что мне оставалось делать в этой глухомани? Только гулять. Я наматывала мили по окрестностям, благо, что муж не ограничивал меня в этом. Точнее, это мне так казалось. Однажды я не успела вернуться к закату. О небо, что тогда со мной было! Я упала на землю, задыхаясь от боли. Казалось, будто какое-то неведомое существо выкручивает все мои суставы, выжимает меня, безжалостно ломая кости. Я кричала. Кричала до тех пор, пока не сорвала горло. И мрак забытья стал настоящим спасением для меня. Когда я очнулась, то обнаружила, что лежу в своей постели.

ли. Мои руки были в крови — я содрала ногти до мяса, царапая землю во время припадка. А рядом сидел Виллоби. Он сухо обронил, что лучше мне больше не опаздывать к ужину. Мол, на первый раз он прощает меня, но не гарантирует, что в следующий будет так же милосерден и успеет прийти ко мне на помощь. Так я узнала о чарах, привязавших меня к дому. Я могла гулять где угодно, но закат обязана была встречать подле мужа.

Миколика опустила голову, скрыв выражение своего лица в тени. Но я видела, в какой гримасе гнева и бессильной ярости кривятся ее губы.

— Дальше события нарастали подобно снежному кому, — тихо прошелестела она. — Помните статую около дома? Меня всегда интересовало, что это за женщина и кто был мастером, создавшим столь дивное произведение искусства. Однажды Виллоби снизошел до моего любопытства и поведал, что это его первая жена. У них был сын. И однажды жена не уследила за ним. То ли задремала среди дня, то ли занималась приготовлением обеда. Ребенок выбрался из дома, дошел до речки, решил искупаться и утонул. Виллоби был первым, кто обнаружил его тело. Он пришел домой, сообщил об этом жене. Она замерла, не в силах поверить в столь жуткое известие. И тогда он обратил ее в камень. По его словам, это было наказанием за ее проступок. Его жена еще жива. Она все чувствует, будучи заключенной в камне. И вынуждена вечность страдать, переживая и переживая свой грех.

– О небо! – слабо пискнула Ульрика. От язвительной улыбки, обычно гуляющей по губам феи, не осталось и следа. По всей видимости, история, рассказанная Миколикой, сильно потрясла ее. Она завернулась в крылья, словно в плащ, а из глубины столь своеобразного капюшона влажным блеском сверкали застывшие слезы.

Я вспомнила слова Фрея о том, что у Ульрики некогда была дочь и что крылья феи опалены какой-то трагедией. Интересно, имеет ли ее реакция какое-либо отношение к собственному прошлому?

– Да, я тоже не могла поверить во все это. – Миколика печально склонила голову. – Смерть ребенка для любой нормальной матери – страшное горе. А Виллоби приговорил свою жену к бесконечным мучениям. Но на такое способны лишь боги. Люди не могут, не должны ведать подобными вопросами. И уже тогда я начала понимать, что мой муж считает себя выше всех остальных. Дальнейшие события это лишь подтвердили.

И еще одна неторопливая прогулка по комнате. Миколика смотрела себе под ноги, собираясь с мыслями. Затем остановилась около странного камина, и я заметила, что огонь в нем изменил цвет. Из голубовато-сиреневого он стал обычным, оранжево-алым. Теперь от пламени шло тепло. Наверное, это имело смысл, поскольку ливень за окнами все продолжался, а следовательно, становилось все прохладнее.

– Как видите, мой муж – великий колдун, – проговорила

Миколика, протягивая дрожащие ладони к весело трещащему огню. — Я живу в этом доме без малого десять лет и до сих пор не разгадала всех его тайн. Виллоби занимался магическими опытами. Он без усталости преумножал свое искусство. Сразу после ужина он запирался в подвале, откуда мог не выходить ночами напролет. Естественно, мне было очень интересно, что же он там делает. Иногда я подкрадывалась к дверям и надолго замирала, прижавшись к ним и пытаясь определить, что там происходит. Я слышала невнятные бормотания Виллоби. Иногда он начинал ругаться на незнакомом мне языке, по всей видимости, итаррийском. Виллоби как-то раз обмолвился мне, что его учитель был из этой страны. А однажды... Однажды я услышала детский плач. От ужаса волосы зашевелились у меня на голове. Ребенок? Здесь? Но откуда? И я решила, что мой муж в своем безумии дошел до того, что похитил невинное дитя и сейчас мучает его своими экспериментами.

Пламя почти лизало пальцы арахнии. Наверняка она чувствовала боль, но ей было все равно. Дым воспоминаний стоял в ее глазах. Она смотрела на огонь — но видела дверь, ведущую в подвал, и опять слышала детский плач.

— Арахний принято считать чудовищами, — после долгой паузы хрипло проговорила Миколика. — Возможно, это так, и мы на самом деле являемся выродками, тварями Альтиса. Но я не могла, просто не могла забыть об этом. Каждый день я видела лицо первой жены Виллоби, навечно застывшей в

своём горе. И я боялась даже предположить, что мой муж может делать с этим ребенком. Поэтому... Да, я решила проникнуть в подвал и освободить несчастное дитя. Я понимала, что не смогу сбежать после этого. Привязь, на которую меня посадил Виллоби, была крепче железных оков. Но ребенок мог спастись. И мне было плевать, какому наказанию после этого меня бы подверг мой жестокосердный супруг. Живя здесь, я начала чувствовать себя мертвой. Думаю, настоящую смерть я бы восприняла с радостью и облегчением. Как избавление.

Да, я прекрасно понимала, о чем говорила Миколика. Я не могла представить, как бы поступила я на ее месте. Одна мысль о подобном испугала меня до холодной дрожи. Нет, все, что угодно, только не это!

– За ужином я добавила Виллоби в вино несколько капель сонного отвара, – негромко сказала Миколика. – Несколько месяцев назад он сам сделал его для меня, когда я пожаловалась на бессонницу. Правда, после первого же применения я перестала пить отвар. Да, он помог мне заснуть, но этот сон... Я так и не запомнила, что видела в ту ночь. Я куда-то бежала, с кем-то спорила, слышала ужасные крики... В общем, утро встретила еще более уставшей, чем ложилась. Благо, что Виллоби никогда особенно не интересовался моими делами и занятиями. Если не дергаю его – то все в порядке. Я боялась, что отвар не подействует на него, но ошибалась. Виллоби заснул прямо за столом. Я осторожно отцепила от

его пояса ключи от подвала и отправилась туда. Мое сердце от страха билось так громко, что мне казалось, будто его стук разносился по всему дому. Когда я добралась до подвала, то меня трясло так, что я долго не могла попасть ключом в замочную скважину. Наконец я открыла дверь и долго стояла на пороге, не решаясь войти. Я понимала, что после этого пути назад не будет. Мое чувство самосохранения умоляло повернуть назад, вернуться к Виллоби и прицепить ключи к его поясу, а потом смиренно дожидаться его пробуждения. Но я не могла, просто не могла. Если бы я так поступила, то это означало бы, что для меня все кончено. Я бы проиграла своему мужу, признала бы таким образом его полную власть надо мной. Поэтому я глубоко вздохнула – и шагнула вперед.

Миколика надолго замолчала. Она выпрямилась, убрав наконец-таки руки от огня, и зябко обхватила себя за плечи, хотя в комнате было тепло, я бы даже сказала – жарко.

– Я нашла ребенка, – глухо сказала она. – Он лежал на столе для экспериментов. Это был мальчик лет пяти. Он был мертв. Очень давно мертв. Виллоби выкачал жидкость из его тела и заменил ее на какое-то бальзамирующее вещество. Но следы разложения были слишком заметны. И тем большим оказался мой ужас, когда ребенок открыл глаза и посмотрел на меня.

Голос Миколики прервался. Она судорожно вздохнула, вновь переживая те страшные мгновения.

– Как оказалось, ребенок может говорить, – чуть слыш-

но выдохнула она. — И он сказал, что его зовут Антуан Эйр. Именно так, как звали сына Виллоби, утонувшего в реке. Совпадал и возраст. А потом бедный мальчик начал кричать. Он умолял меня убить его, просил, чтобы злой отец больше не приходил и не мучил его. Я пыталась успокоить его, а в итоге сама расплакалась. Именно в таком виде нас застал Виллоби. При виде его несчастный мальчуган зашелся в слезной истерике. Но мой муж просто прищелкнул пальцами — и ребенок словно умер. Его глаза остекленели, рот так и остался немо раззявлен в крике. А затем Виллоби посмотрел на меня — и я попятилась. Его глаза... В общем, это были глаза уже не человека, хотя понимаю, насколько это глупо и смешно звучит из уст арахнии. Муж приказал мне дожидаться его в кабинете, пока он устранит последствия моего неумного любопытства. Я повиновалась, понимая, что мне это не сулит ничего хорошего. Но к моему величайшему удивлению, Виллоби не стал кричать или наказывать меня. Вместо этого он ответил на все мои вопросы. Да, мальчик, которого я обнаружила в подвале, действительно являлся его некогда утонувшим сыном. Когда он обнаружил его тело на берегу реки, то решил кинуть вызов богу мертвых и вырвать из царства теней душу ребенка. Все эти годы он искал способ возродить сына к жизни, по мере сил и возможностей борясь с неминуемым разложением. И я должна помочь ему. Как известно, арахнии питаются жизненной энергией. Он собирается повернуть этот процесс вспять. То бишь, я стану

донором для его сына, начну вливать в него энергию, которую буду получать от Виллоби. – Миколика остановилась и грустно улыбнулась, когда Морган, до сего момента слушававший ее более чем внимательно, вскинулся было что-то возразить или спросить. Виновато пожала плечами, обронив: – Не спрашивайте меня о деталях. Я не специалист в подобного рода вещах, к тому же слушала мужа невнимательно, занятая совсем другими мыслями и переживаниями. Я была почти уверена, что он обманывает меня. Антуан не утонул. Это Виллоби убил его, желая получить материал для своих опытов. И по этой же причине он поторопился избавиться от первой жены, зная, что никакая мать не согласится на подобную участь для своего ребенка. И тогда я поняла, что он убьет и меня тоже. Это лишь вопрос времени. Как только я стану ему неинтересна и более не нужна – он расправится со мной. И мне еще очень повезет, если меня не постигнет такая же судьба, как и мальчика. Стать подопытным материалом для его жутких экспериментов страшило меня сильнее всего. Я решила бежать. Прекрасно понимала, что на закате умру от удушья, не вернувшись под защиту стен дома, но, как говорится, лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Миколика замолчала, кусая губы. К ней подлетела Ульрика и протянула бокал с вином. При виде столь необычной заботы со стороны феи я не удержалась и изумленно вскинула бровь. Ну надо же, Ульрика действительно приняла рассказ арахнии очень близко к сердцу! Если честно, не ожидала от

нее такого понимания и сострадания.

— Я не хотела, чтобы Виллоби заподозрил о моем намерении, — продолжила арахния, поблагодарив фею легким кивком. — Поэтому пыталась вести себя, как обычно. Не уверена, что у меня это получилось, но я старалась. Почти сразу я удалилась в свою комнату, соврав, будто плохо себя чувствую. Виллоби ни о чем не спрашивал. Я ждала, когда он наконец-таки отправится в свой проклятый подвал. Но время шло, а мой муж не покидал кабинета. Наконец я не выдержала и поднялась к нему спросить, стоит ли готовить обед. И увидела...

Миколика сделала слишком большой глоток вина и закашлялась. Несколько капель кроваво-красного напитка упали ей на грудь, но она, по-моему, этого даже не заметила.

— Я понятия не имею, жив ли в данный момент мой муж, — так тихо, что мне пришлось напрячь весь свой слух, проговорила она. — Он сидел за своим столом. В той же позе, в которой я его видела в последний раз. А перед ним на столе лежала книга. За пару дней до этого к нам приезжал какой-то мужчина, долго разговаривал с Виллоби у него в кабинете, а потом уехал с очень довольной улыбкой. Наверное, он и продал моему мужу эту вещь. Это старинный фолиант с металлическим окладом, а почти по центру его находится огромный рубин.

Услышав это описание, я замерла. Горло мгновенно пересохло от волнения. Книга, которую я ищу! Неужели она на-

ходится здесь, в этом доме?

– Виллоби сидел, уставившись на рубин. – Миколика вряд ли заметила мою реакцию на ее слова. Ее голос лился по-прежнему тихо и спокойно. – Я пыталась растолкать его, но он ни на что не реагировал. Не пошевелился он и тогда, когда я отцепила от его пояса связку ключей. Но вернуться в подвал я не смогла. Понимала, что необходимо освободить бедного мальчика, вернуть его душу в мир покоя и темноты. Но я не была уверена, что сумею это сделать. Магия подобного рода... Она пугает меня. Считается, что арахнии – любимицы Альтиса, но подобные игры со смертью даже для меня отвратительны, неправильны и порочны по сути.

– Сколько времени с тех пор прошло? – кашлянув, перебил ее Морган.

– Около недели, – честно призналась Миколика. – И за все это время мой муж ни разу не пошевелился, не вздохнул, но не уверена, что он на самом деле мертв. По крайней мере, никаких следов разложения на его теле незаметно. Кроме того, всем известно, что со смертью мага заклинания, созданные им, исчезают. В случае с моим мужем этого не произошло. Я по-прежнему сижу на привязи, а несчастная Анира, первая жена Виллоби, все так же украшает сад в виде статуи. А потом я почувствовала, что в окрестностях дома появились чужаки. Позволила себе подслушать несколько ваших разговоров, из которых узнала, что вы ищете некую книгу. Потому и привела вас к себе в дом.

Миколика сделала паузу. Она посмотрела прямо мне в глаза, и я не сомневалась, что ее слова предназначаются только для меня.

– Я отдам вам книгу, – сказала арахния. – Но при условии, что вы освободите меня от привязи. Я даже не прошу убить моего мужа. Просто позвольте мне уйти. И я буду бежать прочь до тех пор, пока во мне будет теплиться хотя бы искорка жизни.

* * *

За окнами по-прежнему стеной лил дождь. Как это часто бывает в ненастный день, вечер наступил необычно рано, но здесь, в ярко освещенной гостиной, было тепло, светло и уютно. Огонь в камине негромко потрескивал, правда, Морган все так же избегал смотреть на пламя, которое однажды уже сыграло с ним злую шутку.

Хозяйка дома удалилась, обронив напоследок, что понимает наше желание остаться в своей тесной компании и обсудить услышанное. А вскоре по дому поплыл чарующий аромат специй и жареного мяса, видимо, Миколика занялась приготовлением ужина.

Я пыталась не обращать внимания на аппетитные запахи, от которых ощутимо подводило живот.

– Как думаешь, Миколика говорила о той книге, которую ты ищешь? – спросил Морган, для верности развернув свое

кресло спинкой к камину.

– Да, – без тени сомнений ответила я.

– И почему же этот самый Виллоби впал в прострацию, стоило ему только прикоснуться к ней? – поинтересовался Морган, глядя при этом на меня в упор.

«Дело не в прикосновении, – немедленно отозвался Эдриан. – Я более чем уверен, что маг попытался взломать защиту, установленную на камне. Понимаешь, Мика, я лично зачаровал этот рубин. Это своего рода хранилище для моей души. Когда я погиб, то оказался привязан к книге, но таким образом избежал путешествия в мир мертвых. Естественно, я потратил много сил и энергии, желая защитить свое временное пристанище. Правда, тогда я еще не подозревал, что на самом деле вскоре погибну, и потому поступаю мудро и прозорливо, но все же. Как показало время, моя предусмотрительность оказалась весьма кстати».

– Я полагаю, сперва нам надлежит взглянуть на мага, а потом уже делать выводы и высказывать предположения о произошедшем, – осторожно отозвалась я, выслушав мудреные и путанные рассуждения Эдриана вполуха.

– Ты же понимаешь, что все это не приводит меня в восторг. – Морган сделал какой-то замысловатый жест рукой. – Тамика, ты что-то скрываешь от меня. Я знаю, что эта книга прежде принадлежала Арчеру. Почему она настолько важна для тебя? И почему между тобой и ею существует незримая связь?

– Я говорила тебе прежде и могу повторить опять, – сухо отчеканила я, гордо задрав подбородок. – Мне нужна книга. Очень нужна! Даже не спрашивай, почему и зачем. Я все равно не отвечу. Не желаешь помогать – не помогай! Я не обижусь.

– О женщины! – почти прорычал Морган, зло скрипнув при этом зубами. Несколько раз сжал и разжал кулаки, видимо, силясь взять под контроль разбушевавшиеся эмоции, но больше ничего не сказал.

– Да к демонам эту книгу! – вмешался Фрей, который сидел на диване и гладил по голове разомлевшую в тепле Мышку. – Мы все равно должны помочь Миколике. Просто обязаны! Даже не будь у нее того, что нам надо – я бы не ушел отсюда, прежде не освободив ее. Неужели это непонятно?

Я ожидала, что Ульрика не утерпит и вмешается, по своему обыкновению высмеяв добрые намерения Фрея и его чистое сердце. Но фея, к моему величайшему удивлению, вдруг поддержала его.

– Он прав, – сказала Ульрика, старательно не глядя никому в глаза. – Мы должны разобраться с Виллоби. Но прежде всего – мы должны спасти мальчика, который томится в подвале. Сделать так, чтобы душа несчастного ребенка наконец-таки упокоилась. А потом каким-нибудь образом освободить его мать. Она достаточно страдала за преступление, которого не совершала.

– Ульрика, ты ли это?! – с сарказмом воскликнул Мор-

ган. – От кого угодно ожидал подобных речей, но не от тебя. С чего вдруг такое человеколюбие?

Ульрика, как и следовало ожидать, не снизошла до ответа. Лишь раздраженно фыркнула себе под нос и демонстративно уткнулась в бокал вина.

– Редкое единодушие в наших обычно весьма разобщенных рядах, – резюмировал Морган. – Итак, вы все считаете, что мы обязаны остаться и помочь этой самой арахнии?

– Миколике, – напомнил имя хозяйки дома Фрей. – Называй ее так.

– А вы не думаете, что все это может быть ловушкой? – не успокаивался Морган, сделав вид, будто не услышал уточнения Фрея. – Что нас специально заманили в этот дом?

– Ну, стоит заметить, что нам не впервой засовывать головы в пасть дракону, – неловко пошутила я.

– Да, один дракон уже подавился насмерть, попробовав съесть тебя, Мика, – отозвалась Ульрика, прозрачно намекнув на погибшего патриарха рода Ульер, Шериона.

– Ну хорошо, – между тем продолжил Морган, не обратив ни малейшего внимания на наш обмен репликами. Помолчал немного и добавил с обезоруживающей улыбкой: – Говоря откровенно, мне самому до жути интересно, что же за фрукт этот самый Виллоби. Живая статуя, попытки обмануть смерть, чары, посадившие арахнию на привязь... Никогда прежде я о подобном не слышал. По всей видимости, он был действительно одним из самых сильных магов.

«Сила имеет мало общего с мастерством, – немедленно отозвался Эдриан. – Я чувствую, что твой ненаглядный Морган просто трусит столкнуться с тем, кто многократно превосходит его. Успокой его. Скажи, что стихийники обладают огромным запасом энергии. Главное – знать, как ее применить. А в этом я ему помогу».

Я лишь покачала головой. Во-первых, Морган – не мой ненаглядный, а весьма ядовитый тип, который частенько раздражает меня до такой степени, что хочется как следует треснуть его по голове. А во-вторых, если ему озвучить все это, то Морган вцепится в меня, словно клещ в бродячую собаку, и не отстанет, пока я не объясню ему, каким образом собираюсь потягаться в мастерстве с Виллоби.

«Да, пожалуй, ты права, и я несколько погорячился, – нехотя признал Эдриан. – Пока не стоит открывать всех козырей. Вряд ли твоих друзей обрадует, что все это время ты таила от них столь важную вещь, как дух погибшего знаменитого мага, поселившийся в твоём сознании. Ульрика так точно ядом изойдет, особенно когда узнает, что твое тело почтил визитом известнейший драконоборец».

Последняя фраза Эдриана заставила меня слегка покраснеть. Уж очень двусмысленно она прозвучала. Ишь ты, почтил он мое тело визитом.

«Да ладно придирааться, – смущенно отозвался Эдриан. – Ты прекрасно поняла, что я имею в виду».

– Отлично! – с преувеличенным энтузиазмом воскликну-

ла я, пытаюсь не обращать внимания на угрюмый сверлящий взгляд Моргана, намертво прикованный ко мне. – Получается, мы пришли к всеобщему согласию! И это здорово!

– Угу, здорово, – буркнул себе под нос Морган. – А еще лучше будет, когда один маленький паучок попадет наконец-таки в мои руки и расскажет мне всю правду о себе.

Я сделала вид, будто не услышала его обещания, более всего напоминающего самую обычную угрозу. Ему придется весьма постараться, чтобы загнать меня в угол и начать изучать в свое удовольствие. Я ему не Фрей, без боя не дамся!

– С чего начнем? – деловито осведомился Фрей, в свою очередь проигнорировав невнятное бормотание Моргана. – С мага или с его подвала?

– С подвала! – воскликнула Ульрика. – Там же мальчик! Надо освободить его душу! Бедняжка так долго мучился, не стоит продлевать его страдания!

– В том-то и дело, что мальчуган долго терпел и вполне способен подождать еще денек-другой, – хмуро проговорил Морган. – Тем более, насколько я понял, сейчас он все равно пребывает в состоянии трупa и вряд ли испытывает страдания. Я бы предпочел сначала наведаться в кабинет Виллоби. Мало ли какие ловушки нас ждут в подвале. Вдруг в кабинете мы найдем какие-нибудь бумаги, книги, рабочие тетради, способные помочь нам.

– Да, но что, если наш визит разбудит Виллоби? – заартачилась Ульрика. – Насколько я поняла, Миколика не увере-

на, что он мертв. И тогда нам придется спасаться бегством. Или же принять бой. А я бы желала, чтобы к этому моменту душа мальчика была в безопасности и счастливо упокоилась в мире теней.

Я не удержалась и изумленно переглянулась с Фреем. Ну надо же! Ульрика удивляет меня все больше и больше. Надо бы расспросить приятеля, какую страшную трагедию он увидел в ее прошлом. У феи была дочь, это я помню. По всей видимости, это как-то связано с ней.

– Не беспокойся, – очень мягко произнес Морган. – Ульрика, даю слово, что мы не уйдем из дома, не упокоив прежде душу несчастного ребенка. Ты мне веришь?

– Да, – после долгой паузы тихо отозвалась фея.

Комнату некоторое время после заполняла вязкая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине и шумом дождя за окном.

Я смотрела в веселый рыжий огонь и не верила, что совсем недавно он давал прохладу и мерцал ледяными искрами. Морган думал о чем-то своем, и изредка я ощущала на себе его тяжелый внимательный взгляд, но не спешила отвечать на него. А Фрей просто гладил задремавшую Мышку, которой для счастья надо было лишь присутствие хозяина рядом.

– Прошу к столу, – неожиданно нарушил затянувшееся молчание негромкий голос Миколики.

Арахния стояла у порога и со слабой улыбкой глядела на

нашу компанию. Почему-то я не сомневалась, что она точно знает, какое решение мы приняли. И сердце внезапно сжала когтистая лапа дурного предчувствия. А не угодим ли мы в ловушку из-за собственного мягкосердечия и излишней чувствительности? Как говорится, муж и жена служат одному богу.

* * *

Ужин оказался выше всяческих похвал. Нежнейшее жаркое так и таяло во рту, тушенные под особым острым соусом овощи прекрасно дополняли его. В высоких хрустальных бокалах искрилось великолепнейшее вино, куда Миколика добавила умело подобранные специи. Я чувствовала вкус корицы, розмарина, гвоздики.

Хозяйка дома не стала зажигать магический шар, который давал слишком яркий свет, вместо этого ограничилась свечами. Живое пламя бликами дробилось в зеркалах, оранжевыми отблесками танцевало в каплях дождя, усеивающих снаружи окна. Было очень уютно и спокойно. Впервые за долгое время я почувствовала себя так, будто вернулась после долгого странствия домой, хотя прекрасно осознавала, что это ощущение ложно, более того – опасно.

– А откуда вы берете продукты? – неожиданно прервал затянувшееся молчание, нарушаемое лишь негромким позвякиванием столовых приборов, Морган.

Я заметила, что он почти не притронулся к своей порции. И мгновенно кусок встал мне поперек горла. Ой, а в самом деле, откуда? Или же услышанный слезоточивый рассказ был обманом, попыткой запудрить нам мозги? Но если бы в еде был какой-нибудь яд или усыпляющее вещество, то меня наверняка бы предупредил Эдриан.

– Не беспокойтесь, я не планирую с вами расправиться, – спокойно ответила Миколика, без особых проблем поняв подоплеку этого вопроса. – Скоро вы убедитесь, что подвалы этого дома воистину огромны. В них поместилась не только лаборатория моего мужа, но и хранилище, где магией поддерживается необходимая температура, которая не позволяет продуктам портиться.

«Я определенно жажду на это взглянуть! – восторженно взвыл в моей голове Эдриан. – Это же просто... Просто невероятно!»

– Ого! – ограничился кратким Морган и словно нехотя наконец-то поднес вилку ко рту.

Я заметила, что Миколика тоже почти ничего не ела. Она вяло ковырялась в тарелке, пока не превратила свою порцию в настоящую размазню, правда, к вину прикладывалась часто, поэтому Фрею, сидящему рядом, пришлось на правах представителя сильного пола несколько раз ей подливать, тогда как сам он цедил все еще первый бокал.

Я, в свою очередь, к алкоголю почти не притронулась. Что скрывать очевидное, я с огромной опаской относилась к воз-

возможности напиться в столь странном и зловещем месте.

Наконец после великолепного десерта в виде вишневого пирога Миколика встала и смерила всех нас изучающим взором.

– Если вы не против, то я провожу вас, – проговорила она, нервно комкая салфетку, прежде лежавшую на ее коленях. – Что вы решили изучить в первую очередь?

– Кабинет вашего мужа, – ответил Морган, поспешно вставая вслед за ней.

Миколика склонила голову, показывая, что услышала его. Развернувшись и неспешно отправилась прочь.

Нашей компании ничего не оставалось, как поторопиться за ней. Первым шел Морган, затем я, замыкал своеобразное шествие Фрей, несущий под мышкой Мышку. Хм-м... Несколько чудно прозвучало, ну да ладно. Ульрика тоже сопровождала нас, но я ее не видела. По каким-то причинам фея предпочла стать невидимой.

Подъем на второй этаж не занял у нас много времени. По дороге я заглядывала во все открытые двери, не в силах совладать со своим любопытством. Но везде видела одну и ту же картину: мебель, накрытая от пыли белыми тряпичными чехлами, тусклый свет магических шаров, плавающих под потолком, и тишина. Казалось, будто дом вымер. Наши шаги звучали слишком громко и нагло в этом царстве вечного спокойствия. И внезапно я осознала, что стараюсь идти на цыпочках, лишь бы создавать как можно меньше шума.

Наконец Миколика остановилась около очередной ничем не примечательной двери. Потянулась к связке ключей, которая висела на ее поясе.

— Если вы не против, то я бы осталась в коридоре, — сдавленным голосом проговорила она. — Виллоби... Мне больно видеть его в таком состоянии. Я одновременно и ненавижу его, и жалею. Сама не понимаю, какие чувства я к нему испытываю. Иногда я думаю, что была бы счастлива, если бы он действительно умер. Но потом вспоминаю наши разговоры, наши ночи... Нет, пожалуй, я была бы рада, если бы он остался жить. Но я при этом находилась бы как можно дальше от него.

Если честно, я мало что поняла из сбивчивого объяснения арахнии. Что это значит? Она или любит мужа, или ненавидит. Третьего, по-моему, не дано.

«Ох, какая же ты еще все-таки маленькая и глупенькая», — тяжело вздохнул Эдриан.

Я немедленно оскорбилась. Это я-то маленькая и глупенькая? Кто бы говорил! Еще от Моргана я бы приняла это как аргумент, но Эдриан, помнится, сам погиб в весьма юном возрасте и будучи при этом девственником!

«Телесный опыт — ничто по сравнению с духовным!» — очень высокопарно и очень непонятно выразился Эдриан и замолчал. Наверное, обиделся на мое в высшей степени справедливое замечание.

Но я не обратила на это особого внимания, занятая совсем

иным. Как раз в этот момент Миколика отомкнула замок и отошла в сторону, безмолвно позволяя нам войти в комнату.

Первым порог пересек Морган. За ним – Фрей. А я все медлила, почему-то страшась окунуться во тьму, плескавшуюся за порогом.

– Иди сюда! – вдруг услышала я голос Фрея. – Скажи – это твоя книга? Вроде бы та самая, но тебе виднее должно быть.

Я в последний раз покосилась на бледную Миколику, прильнувшую к стене. Зачем-то набрала полную грудь воздуха. И нырнула в сумрак позднего дождливого вечера.

Впрочем, Морган к тому моменту уже разбудил магический шар, плавающий под потолком, и мгновенно кабинет оказался залит ярким светом, заставившим меня зажмуриться. Затем я осторожно открыла один глаз, но почти сразу изумленно распахнула оба. И было чему удивляться.

Я оказалась в небольшом помещении. Точнее, думаю, некогда эта комната была поистине огромной, но ныне большую часть ее занимали шкафы, опасно вспухшие от своего бумажного содержимого. А прямо перед нами стоял письменный стол, за которым сидел хозяин этого дома.

Стоило заметить, сьер Виллоби Эйр оказался гораздо младше, чем я представляла себе из рассказов Миколики. На мой взгляд, он был ровесником Моргана. И стоило заметить – весьма симпатичным мужчиной.

Белокурые волосы аккуратным каре падали на плечи. Синие глаза смотрели прямо и твердо, правда, их взгляд был

устремлен в никуда. На губах мага застыла приятная улыбка, от которой на его щеках образовались симпатичные и очень приветливые ямочки.

Я изумленно хмыкнула про себя. Ну надо же! Встретишь такого господина на улице – ни за что не подумаешь, что он увлекается опытами над телами умерших и забавляется прочим темным и запрещенным колдовством.

«Во всем этом есть особый смысл, – немедленно отозвался Эдриан. – Мика, зло обязано быть привлекательным и манящим. Иначе никто и ни за что не последует за ним. Как убедить человека продать душу Альтису? Только заверив, что после этого не произойдет ничего страшного и ты не превратишься в чудовище. Личный пример для этого подходит наилучшим образом».

Я повела плечами, не имея ни малейшего желания вступать в спор с Эдрианом. Мое внимание тем временем привлекло совсем иное. Книга! Та самая злополучная книга в тяжелом металлическом окладе! Она лежала на столе перед Виллоби, и маг любовно приложил пальцы к темно-багровому рубину неприличных размеров на обложке.

«Да, по всей видимости, одна из моих ловушек сработала, – между тем задумчиво продолжил Эдриан. – Но необходимо убедиться в этом. Для этого тебе надлежит подойти ближе и...»

Он не успел закончить предложение. Стоило мне только сделать шаг вперед, как на мое плечо опустилась тяжелая

длань Моргана, и маг прошипел:

– Куда? Тамика, с ума сошла, что ли? Хочешь уподобиться этому самому Виллоби и застыть навеки рядом с ним?

– Не беспокойся, я знаю, что делаю, – снисходительно обронила я, попытавшись таким образом утихомирить разволновавшегося друга.

Тот ответил настолько тяжелым взглядом, что у меня мгновенно язык присох к нёбу. Ой, что-то мне это не нравится! Спрашивается, и чего он на меня так уставился? Будто у меня рог на лбу вырос.

Я на всякий случай украдкой кинула взгляд в запыленное зеркало, висящее за спиной Виллоби. Убедилась, что на моем лице не появилось никаких дополнительных украшений, и с вызовом вскинула подбородок, попытавшись с достоинством выдержать неподвижный, немигающий взор мага. Правда, практически сразу поняла, что эту битву мне не суждено выиграть. Нестерпимо захотелось упасть на колени и на всякий случай прикрыть голову руками, а затем разрыдаться, умолая о пощаде. Уж больно грозным был сейчас видок у Моргана. Даже не припомню, когда я в последний раз видела его настолько разгневанным.

Я на всякий случай жалобно поджала губки и наивно захлопала длинными ресницами, вспомнив уроки Моргана о том, как надлежало вести себя в замке рода Ульер. Пожалуй, сейчас это тоже нелишним будет.

Но мои кривляния не произвели должного впечатления на

Моргана. Тот как-то странно ухмыльнулся и перевел взгляд на Миколику, которая, все так же не смея пересечь порога кабинета, наблюдала за нашими действиями из коридора.

– Могу ли я попросить глубокоуважаемую хозяйку выделить мне для разговора с одной особой какую-нибудь комнату? – медленно процедил маг.

– Весь дом в вашем полном распоряжении, – немедленно отозвалась она. – В следующей по коридору комнате спальня Виллоби. Она открыта. Там вас никто не потревожит...

Морган дослушивал Миколику уже на ходу. Он крепко взял меня за руку и потащил прочь в указанном направлении.

– Эй! – возмутилась Ульрика. – Куда это вы? Морган, вообще-то Мика все еще вроде как невеста Арчера. И вообще это очень неприлично: среди белого дня уединяться в спальне.

– А может, их страсть обуяла? – предположил Фрей и тут же громогласно засмеялся над своей неуклюжей шуткой.

Фея в ответ буркнула что-то ядовито-саркастическое, но что именно – я не расслышала. Морган уже дотащил меня до соседней комнаты и втолкнул через порог, после чего плотно закрыл за нами дверь, отсекая от разговорчиков и шуточек друзей. Но этого ему показалось мало. Легкий щелчок пальцами – и по стенам поползли ядовито-зеленые зигзаги незнакомого мне заклинания. Тотчас же раздался какой-то глухой звук, как будто кто-то с размаха врезался в стену, и

жалобный вскрик Ульрики.

– Ишь ты, магией еще воспользовался! – запричитала она. – Предупреждать надо! Такую шишку себе на лбу набил!

Морган наверняка услышал крик феи, но лишь злобно улыбнулся. После чего скрестил на груди руки и выжидающе уставился на меня. Нехорошо так уставился, будто в уме уже прикидывал, куда девать мое тело, если разговор пойдет не так, как он хочет.

– Дырку проглядишь, – брякнула я, чувствуя, как от столь пристального внимания по моему позвоночнику немедленно принялись маршировать отряды ледяных мурашек.

– Рассказывай! – сурово потребовал Морган. – Заметь, я долго терпел, очень долго. Но теперь мое терпение иссякло. Итак, что это за книга? Почему она так важна тебе? И с чего вдруг ты уверена, что она не причинит тебе никакого вреда?

– Я уже говорила, что не собираюсь отвечать ни на какие вопросы, связанные с книгой, – огрызнулась я. – Не хочешь мне помогать – и не надо! Сама справлюсь!

– «Сама справлюсь!» – тоненьким голосочком передразнил меня Морган.

Я обиженно насупилась. Да, справлюсь! В конце концов, я несколько раз говорила, что это дело касается только меня.

– Так и будешь молчать? – звенящим от непонятного напряжения голоса спросил Морган.

– Ну что ты так завелся? – вопросом на вопрос ответила

я. – Послушай, я ведь в самом деле не требую помощи. Если хочешь остаться в стороне...

Завершить фразу я не успела. Как-то вдруг оказалось, что я смотрю Моргану прямо в глаза, а мой нос почти упирается в его подбородок. Маг преодолел разделяющее нас расстояние так стремительно, что я просто не заметила его движения.

Я попятилась было, но руки Моргана уже лежали на моей талии, не давая мне двинуться с места.

– Отпусти меня! – хрипло потребовала я. – Морган, если только вздумаешь применить на мне свои колдовские шуточки, то так и знай: я очень и очень сильно обижусь!

– Ты думаешь, я не обижаюсь на тебя? – Морган покачал головой, и в его темно-карих глазах заплясали огоньки раздражения. – Тамика, я думал, мы друзья. Мы столько перенесли вместе, я рисковал жизнью, когда вытаскивал тебя из покоев Шериона, хотя думал, что замок вот-вот рухнет. И твое недоверие не просто обижает – оно оскорбляет меня! Почему ты не хочешь рассказать мне про книгу? Неужели с ней связана настолько страшная тайна?

– Да нет там никакой тайны! – с демонстративным пренебрежением фыркнула я, занятая совсем другими мыслями и переживаниями.

Я отчаянно пыталась не покраснеть. Морган стоял так близко от меня, что я ощущала его дыхание на моих губах. И, стоит заметить, это весьма и весьма отвлекало меня от раз-

говора. Наверное, надо было потребовать, чтобы он немедленно отошел прочь и не смел прикасаться ко мне. Но я боялась, что вместо категорического приказа у меня получится какое-то невнятное бормотание, способное лишь развеселить Моргана.

– Тогда Расскажи мне, – вкрадчиво попросил он. – Расскажи все, и я клянусь своим именем и своим магическим даром, что ни слова не выйдет из этой комнаты. Все останется только между нами!

Я совершенно растерялась. Мои многочисленные веснушки пылали сейчас так ярко, что, наверное, сами по себе могли осветить и согреть комнату в этой ненастный вечер.

«Да Расскажи ты ему, – устало посоветовал Эдриан. – Я разрешаю. Он ведь все равно от тебя не отстанет. Лучше так, чем наблюдать, как он примется соблазнять тебя и таким образом попытается исподволь вызнать интересующий его секрет».

Морган примется соблазнять меня? Я недоверчиво хмыкнула. Что за бред? Да он никогда...

А в следующее мгновение маг поднял руку и тыльной стороной ладони ласково провел по моей щеке, убирая растрепавшиеся волосы назад. Кожа на том месте, где он прикасался ко мне, загорелась так сильно, будто я получила ожог. О небо, хорошо хоть сильнее покраснеть я при всем желании не могу!

– Или ты не веришь в мои добрые намерения? – прошеп-

тал Морган, доверительно наклонившись ко мне. Беда была в том, что при этом между нашими губами осталось до неприличия маленькое расстояние. Да что там, я уже буквально ощущала вкус поцелуя мага.

«Да, это тебе не простофиля и раззява Арчер, – язвительно констатировал Эдриан. – Понабрался опыта с Клариссой и принялся на тебе свои умения оттачивать».

Удивительное дело, но саркастическое замечание Эдриана привело меня в чувство, а воспоминание о том, как совсем недавно Морган услужливым ковриком стелился под ноги Клариссе, так вообще разъярило. Ишь ты, он действительно думает, что стоит ему только поманить меня пальчиком, как я тут же забуду обо всем на свете и рухну в его объятия? В таком случае он серьезно ошибается!

– Извини, не мог бы ты отодвинуться от меня? – холодно поинтересовалась я. – Комната достаточно велика, чтобы не тесниться вдвоем на одном пяточке.

– А может быть, мне нравится тесниться на одном пяточке, – заупрямился было Морган, даже не подумав сделать шаг назад.

– У Клариссы научился таким методам? – поинтересовалась я.

Мой удар попал в цель. При упоминании имени бывшей возлюбленной, жестоко посмеявшейся над его чувствами, бедняга побледнел и так стремительно отшатнулся от меня, будто я ударила его наотмашь.

– Ты еще не паук, а уже так больно кусаешься, – приборкотал он, передернув плечами.

«С драконами жить – по-драконьи разить», – хотела было ответить я известной присказкой, но в последний момент передумала. Мне почему-то стало стыдно. В конце концов, Морган ведь не виноват, что его избранница оказалась настолько двуличной и подлой особой. Он до сих пор переживает ее обман, а я быю по еще не зажившей ране.

«Да расскажи ты ему про книгу! – настойчиво повторил свой призыв Эдриан. – Хватит переругиваться! Еще не хватало, чтобы Морган обиделся и в самом деле уехал, оставив тебя на произвол судьбы в этом странном доме с его не менее странными обитателями. Говорю же, что разрешаю. Только пусть даст слово, что Ульрике ничего не передаст. Это будет, мягко говоря, некстати, особенно если учесть мою... хм-м... специфическую славу среди драконов».

– Ладно, не дуйся, – примиряюще протянула я, вняв убеждениям Эдриана. – Расскажу я тебе все. Только, чур – фее ни слова!

Морган по-прежнему усердно изображал оскорбленную невинность, но на самом дне его зрачков зажегся огонь любопытства. Он словно нехотя кивнул и сел на кровать, приглашающе похлопав рядом с собой. В ответ на столь любезное предложение я гневно сверкнула глазами. Вот еще! За кого он меня принимает? Затем начала озираться в поисках какого-нибудь стула, но тут меня поджидало разочарование.

В спальне Виллоби кроме гигантских размеров ложа под серым от пыли балдахином и крошечного прикроватного столика, на котором стоял графин с плотно притертой пробкой и стакан, больше ничего не было. Ну и не надо. Обойдусь как-нибудь. Как-то это неприлично – сидеть на одной кровати с неженатым молодым человеком.

«Что-то ты поздновато вспомнила о правилах приличия, – премерзко хихикнул Эдриан. – Помнится, не так давно ты с этим самым неженатым молодым человеком не только сидела на одной кровати, но и лежала в одной постели, будучи при этом практически не одетой».

Мои щеки потеплели от этого высказывания, но я почти сразу раздраженно мотнула головой. Тогда у меня не было другого выбора! Дверь ломали, и мне необходимо было придумать способ, чтобы отвлечь внимание штурмующих комнату от бездыханного тела одного из Ульеров, спрятанного под пресловутой кроватью.

– Я жду, – терпеливо напомнил мне Морган, и я мысленно осеклась, сообразив, что слишком увлеклась перебранкой с Эдрианом.

– В общем, я делю свое тело с мужчиной! – на одном дыхании выпалила я жуткое признание и замолчала.

Морган аж поперхнулся от такого заявления. Уставился на меня круглыми от изумления глазами, откашлялся и слабым голосом проговорил:

– Тамика Пристон, я уже давно понял, что ты полна все-

возможных сюрпризов, но подобного, право слово, даже от тебя не ожидал. А немного поподробнее можно? С каким именно мужчиной ты делишь свое тело?

– С автором той злосчастной книги, – сказала я. – Найном Эдрианом Жиральдом.

– Эдрианом Жиральдом? – переспросил Морган, и его глаза стали еще круглее. – То бишь, ты делишь тело с известным драконоборцем? Но он же погиб два века назад!

– Ну, если говорить честно, как раз мое тело мы делим очень редко, – неохотно проговорила я. Запнулась, осознав, что это прозвучало еще более двусмысленно, и затараторила, спеша объясниться: – В общем, та книга... Я действительно нашла ее в кабинете Арчера, причем сам Арчер ее не мог увидеть, поскольку на нее была наложена завеса, отводящая глаза драконам. Я прикоснулась к камню на окладе и... В общем, каким-то образом душа Эдриана после смерти не упокоилась, а оказалась привязана к рубину. Он пытался объяснить мне, как это произошло, но я, право слово, не слушала. Все равно ничего не понимаю в магии. И мы заключили сделку. Он должен был помочь мне войти в род Ульер, а я обязалась после выполнения его части договора подарить рубину капельку своей крови.

Естественно, я скромно умолчала о том, что помимо этого должна была помочь Эдриану отомстить за его гибель. Пожалуй, не стоит быть настолько откровенной с Морганом. Как-никак он почти всю жизнь прожил с драконами бок о

бок, до недавних пор был без ума от одной из Ульер. А любовь – это чувство, которое может вернуться в самый неподходящий момент. Пусть уж лучше все считают, что гибель Шериона была случайностью, к которой я имею весьма опосредованное отношение.

– О небо! – взмолился Морган. – Подожди, не части так. Дай мне хоть немного уложить все это в голове.

Я послушно замолчала. Скромно потупилась и принялась расковыривать носком сапога светлый бежевый ковер.

– Тамика, пожалуй, я впервые в жизни встречаю особу, которая настолько обожает заключать всевозможные сделки и договоры, – наконец буркнул он.

Я в ответ усиленно захлопала ресницами, пытаюсь придать себе как можно более невинный вид. Интересно, что сказал бы Морган, если бы узнал о кинжале, надежно спрятанном в голенище моего правого сапога? Не думаю, что ему бы понравилось известие о том, что я едва не связала себя соглашением с так называемым мастером клинков, а в действительности – с самым обычным герпентолом.

– Даже страшно представить, какие еще тайны ты хранишь от меня, – негромко проговорил Морган, но, хвала всем богам, углубляться в столь опасную тему не стал. Вместо этого он потер переносицу, словно страдая от головной боли, затем принялся массировать виски и слабо попросил: – Продолжай. Я слушаю.

– Да я, в общем-то, почти все рассказала. – Я смущенно

пожала плечами. – После заключения договора сознание Эдриана переселилось в мой разум. Теперь он постоянно изводит меня своими замечаниями и шуточками. Но вроде бы он обещал покинуть меня, как только я завершу сделку и обогрю рубин своей кровью. – Подумала немного и негромко добавила: – Если честно, никак дожидаться не могу, когда это наконец произойдет.

«Вот как? – мгновенно оскорбился Эдриан. – Это что получается – я тебе надоел? Вот и вся благодарность за мою помощь!»

И Эдриан принялся обиженно вздыхать, видимо, ожидая, что я немедленно примусь его разубеждать.

– Значит, вот оно как, – между тем задумчиво протянул Морган. – Ну что же, теперь мне многое становится понятно. Например, почему у тебя так часто бывает отсутствующий вид. Наверное, непросто иметь постоянного спутника, которому известны все твои мысли, переживания...

– Ох, если бы ты только знал, насколько непросто! – жалобно вздохнула я. – Этот самый Эдриан достал меня уже до печёнок, если не глубже. Ему до всего есть дело. А как он начинает возмущаться, когда я оказываюсь с кем-нибудь в пикантной ситуации...

Я тут же пожалела о том, что брякнула. Лицо Моргана мгновенно стало темно-багровым, по цвету соперничая с переспелым помидором. Казалось – тронь пальцем, и кожица расползется, являя под собой сочную мякоть плода.

– То есть, – медленно потянул он, багровея на глазах все сильнее, – он и сейчас...

И замолчал, видимо, не в силах осмыслить тот факт, что свидетелем его недавнего порыва стал посторонний мужчина.

«Передай ему, что я уже привык, – мрачно попросил Эдриан. – Пусть не стесняется так сильно».

Понятное дело, я промолчала. Иначе, боюсь, у несчастного Моргана мог бы приключиться разрыв сердца от такого утешения.

– В общем, теперь ты понимаешь, какие отношения меня связывают с книгой, – поторопилась я перевести разговор на менее опасную тему. – Между нами действительно существует незримая и очень крепкая связь. И я уверена, что мне ничего не грозит, если я прикоснусь к ней. Просто дай мне выполнить свою часть сделки. Капля крови на рубин – и я освобожусь от этого надоеды Эдриана.

«Сама надоеда, – немедленно отозвался тот. – И вообще... Троллиха и паучиха, вот ты кто!»

Я не стала отвечать на эти оскорбления, иначе наша перебранка могла бы весьма затянуться. Да, я дочь тролля и арахнии. И что? По крайней мере я не пытала людей, силясь разгадать тайну сумеречных драконов.

«Между прочим, некоторым даже нравится, когда им причиняют боль», – огрызнулся Эдриан.

И опять я проигнорировала его более чем спорное утвер-

ждение. Ишь ты, оказывается, он не садистом был. Что еще придумает в свое оправдание?

– Ох, не нравится мне это, Тамика! – между тем проговорил Морган, который вряд ли догадывался, какой напряженный диалог идет в моем сознании. – Сделка и кровь... Для меня эти две вещи ассоциируются с чем-то весьма нехорошим. Ты уверена, что все пройдет должным образом?

– Я специально уточнила у Эдриана, не грозит ли мне выполнение моей части договора какими-нибудь неприятными сюрпризами, – ответила я. – К примеру, потерей души. Тот заверил, что нет. Мол, моя кровь ему нужна будет как сувенир. Приятное напоминание о том, как ловко он провел драконов, вынудив принять дочь тролля и арахнии за равную.

– Да, но как раз свою часть сделки он и не выполнил, – резонно возразил Морган. – Смею напомнить, что тебя все-таки не приняли в род Ульер.

Я нахмурилась. Кстати, и в самом деле, как-то раньше мне это не приходило в голову. Я ведь так и не стала одной из Ульер.

«Но ты же сама отказалась от предложения Арчера!» – вскричал Эдриан.

А вот и неправда! Я ему не отказала. Я просто отложила принятие столь судьбоносного решения на потом. И в любом случае, даже если бы я согласилась, то нашу свадьбу надлежало ждать целый год – пока минует траур по Шериону Ульеру, патриарху рода. Так что получается, Эдриан оста-

ся мне должен.

«Ну хорошо, хорошо, пусть будет так, – мрачно забубнил Эдриан, видимо, исчерпав свои возражения. – Только почему-то мне кажется, что теперь ты и сама не желаешь войти в драконий род. Разве не так?»

Я неопределенно пожала плечами. Не важно, чего я хочу, а чего нет. Ни нейна Деяна, ни ее муж, нейн Ильрис, занявший отныне место патриарха, не стояли передо мной на коленях, умоляя стать одной из них, как того обещал Эдриан. И это непреложный факт.

«Ладно, согласен, – неохотно отозвался Эдриан. – За мной должок. Заверши свою часть соглашения – и я постараюсь придумать достойную компенсацию своего невыполненного обязательства».

Хм-м... Я еще суровее сдвинула брови. Ох, сдается, Эдриан темнит. Если я обагрю рубин своей кровью, то его душа должна упокоиться и прямым ходом отправиться к престолу Альтиса. Разве не так? И с кого в таком случае мне требовать этой самой компенсации?

«Какая же ты все-таки вредная и въедливая особа! – не выдержав, раздраженно фыркнул Эдриан. – Одно и то же нудишь и нудишь. Между прочим, если бы не моя помощь, то ты бы погибла еще в замке рода Ульер, поскольку не сумела бы справиться с Шерионом. Это моя и только моя заслуга, что ты выжила тогда!»

Я лишь криво ухмыльнулась. Ну уж нет, мой дорогой,

убийство патриарха драконьего рода было выгодно прежде всего тебе. Это ты жаждал мести за свою смерть. А я послужила лишь орудием твоей воли.

«Материальная компенсация подойдет? – внезапно очень по-деловому предложил Эдриан. – Капля твоей крови в обмен на все мое состояние. Некогда я был весьма обеспеченным человеком, Мика. Маги всегда и во все времена неплохо зарабатывали своим искусством, а я без лишней скромности был одним из лучших. Поскольку я предчувствовал, что над моей головой сгущаются тучи, то перевел большую часть своих сбережений в драгоценные камни. Все равно материальные блага мне больше ни к чему, а тебе они могут пригодиться. К тому же надо ведь как-нибудь отблагодарить тебя. Согласись, мы неплохо вместе провели время».

Я алчно сглотнула вязкую от волнения слюну. Ого, сразу бы так! И перед моим мысленным взором замелькали горы сапфиров, алмазов, рубинов. Я стану богатой, очень богатой, баснословно богатой!

– А вот теперь я верю тебе, – вдруг прервал мой напряженный мысленный разговор Морган.

Я очнулась и недоуменно посмотрела на него. О чем это он? Кстати, если Эдриан не обманывает, то я, так и быть, поделюсь с друзьями. Я не жадная. Полагаю, тот же Фрей немало обрадуется, узнав, что ему отныне не надо возвращаться в родную деревню и зарабатывать себе на хлеб насущный тяжелым крестьянским трудом.

– Признаюсь, я частенько удивлялся тому, что ты вдруг замирала посреди беседы и устремляла невидящий взгляд куда-то вдаль, – пояснил Морган. – А теперь я понимаю, что в это время ты разговаривала с Эдрианом. Ну и что он говорит по поводу того, что остался тебе должен?

– Мы пришли к соглашению, – уклончиво ответила я, не имея ни малейшего желания ставить Моргана в известность о моем грядущем богатстве.

Не то чтобы я ему не доверяла, но... Просто здравый смысл подсказывал, что не стоит смешивать дружеские отношения с материальными заботами. Золото порой разъедает сердца и самые крепкие узы, как ржа ест железо. Так что пусть это пока останется секретом. Тем более, как верно выразился Морган, у меня и без того хватает тайн от него. Одной больше или меньше – не все ли равно.

– Могу я узнать, к какому именно? – настороженно поинтересовался Морган.

– Как бы то ни было, выполнил Эдриан или нет свою часть договора, но делить с ним тело и разум я больше не намерена, – честно сказала я. – И он пообещал, что покинет меня...

– Дай угадаю – как только ты обагришь рубин на книге каплей своей крови, – перебил меня Морган и поморщился. – Ох, не знаю, Тамика. Не нравится мне это. Сделка, требующая для своего завершения крови... Как-то это очень подозрительно.

– Но в любом случае нам надо разобраться, что там не так

с Виллоби, – парировала я. – Эдриан обещал, что поможет. Кому, как не создателю этой книги, знать, в какую именно ловушку угодил хозяин дома. Разве не так?

– Ну, между прочим, у этой проблемы есть намного более простое решение, – неожиданно проговорил Морган, и его глаза как-то нехорошо блеснули при этом. – Насколько я понимаю, Миколика не будет сильно горевать, если станет настоящей вдовой. И, как она верно заметила, со смертью мага все созданные им заветы развеются. Чем не выход из положения?

«Вот! – возликовал Эдриан. – Вот видишь, на что способен твой ненаглядный Морган: на убийство абсолютно беспомощного человека! А все на меня бочку катишь. Мол, жестокий я, нехороший. Теперь ему все это повтори».

– Так, давай сначала закончим с книгой, – предложила я, мгновенно растерявшись от столь внезапного поворота темы. – А потом уже займемся Виллоби. – Подумала немного и добавила с немалой долей сомнения: – Если честно, я и сама не особо желаю, чтобы он пришел в себя. Но расправиться с ним? Как-то это... негуманно.

– Негуманно? – растерянno переспросил Морган, должно быть, не ожидая услышать подобного аргумента. – Ну... да, негуманно. Но жизнь, однако, вообще жестокая штука.

Я лишь пожала плечами, не имея ни малейшего желания связываться в столь сложный философский спор. Морган еще неполную минуту молча смотрел на меня, затем тяже-

ло вздохнул, осознав, что продолжения не последует, и прищелкнул пальцами. Тотчас же блокирующее заклинание, защищающее наш разговор от чужих ушей, с тихим хлопком исчезло.

* * *

Ульрика очень обиделась на то, что Морган не дал ей подслушать нашу беседу. Естественно, прямо она ничего не сказала, но так красноречиво поджала губы при нашем появлении, что все стало ясно и без слов.

– Наговорились, голубки? – ядовито поинтересовалась она. – Или что вы там так долго делали? Мика, насколько я понимаю, чувства Арчера тебя совсем не заботят, так?

– Не твое дело, – огрызнулась я.

– Как раз мое! – Ульрика гордо подбоченилась, но этого ей оказалось мало. Она взмыла под самый потолок, одарила меня оттуда взглядом, полным превосходства, и процедила: – Смею тебе напомнить, что я – хранительница рода Ульер, к которому принадлежит и Арчер. И, позоря своего жениха, ты тем самым позоришь и меня. И вообще, возможно, я отправилась с тобой в это путешествие лишь с одной целью: не позволить тебе пуститься во все тяжкие и утонуть в пучине разврата.

– Да ладно? – искренне удивился Морган, ради разнообразия решивший выступить на моей стороне. – А мне пока-

залось, что ты увязалась за нами исключительно из-за скуки и желания поразвлечься. К тому же не стоит забывать и про твои весьма напряженные отношения с родом, хранительницей которого ты вроде как являешься. Уверен, что почти каждый из Ульеров в глубине души мечтает придушить тебя в укромном уголке.

Ульрика так и застыла с открытым ртом, не в силах найти достойного ответа. Она сделала несколько кульбитов, затем фыркнула что-то неразборчиво-ругательное о Моргане и приняла нарочито обиженный вид, усевшись на верх одного из книжных шкафов.

– Хватит ругаться, – примирительно пробасил Фрей, затем нагнулся и поставил на пол Мышку, которую все это время таскал на руках. Собака широко зевнула и неторопливо протрусила к столу. Внимательно обнюхала ноги Виллоби, после чего совершенно неожиданно присела – и напрудила около него целую лужу, обильно оросив брызгами штаны.

– Мышка! – обескураженно взвыл Фрей. – Ты чего себе позволяешь?

– Ничего страшного, – поспешила заверить его Миколика, которая лишь негромко рассмеялась, глядя на выходку собаки. Все еще улыбаясь, она тепло посмотрела на Мышку и добавила: – Если честно, Виллоби заслуживает гораздо худшего.

«Ладно, давай разберемся, что там не так с этим магом, – предложил Эдриан. – А потом уже завершим сделку. Подой-

ди и положи руки поверх его. Постараюсь сканировать его разум».

Последнюю фразу я, признаться честно, не поняла. Да и вообще, приказ Эдриана вызвал во мне весьма противоречивые чувства. Подойти к Виллоби я могла, все-таки он вряд ли бы укусил меня. Но прикасаться к нему? А вдруг он очнется в самый неподходящий момент и, не разобравшись в происходящем, вмажет по мне какими-нибудь чарами? И тогда, не приведи небо, я тоже превращусь в живую статую, не способную даже моргнуть.

«Да ничего тебе не грозит! – снисходительно заверил меня Эдриан. – Не забывай, что ты являешься носителем автора этой книги!»

Носитель. Слово-то какое выбрал! Ну да ладно, надеюсь, он меня не обманывает.

– Эй, куда? – попытался меня остановить Фрей. – Мика, ты чего задумала?

– Пусть, – поторопился вмешаться Морган. Добавил со странной усмешкой: – Поверь, она лучше кого бы то ни было знает, что надлежит делать.

Этот короткий обмен репликами не остался незамеченным. Краем глаза я увидела, как Ульрика с жадным любопытством подалась вперед, едва не свалившись со шкафа. Но фея ничего не стала спрашивать, видимо, осознав, что ответа все равно не дождется.

Я несколько раз сжала и разжала кулаки, пытаясь успоко-

иться. Затем сделала шаг к столу и брезгливо сморщилась, поскольку едва не наступила в лужу, оставленную Мышкой. Собака сидела чуть поодаль с совершенно невинным выражением на морде, однако меня не оставляло чувство уверенности, что она сделала это специально, выразив таким образом свое отношение к поступкам Виллоби, о которых услышала от Миколики.

– Ну ладно, – пробормотала я и неохотно положила свои ладони поверх ледяных рук Виллоби, словно приклеившихся к рубину на окладе.

Тотчас же подушечки моих пальцев загорелись огнем. Я тут же попыталась одернуть их, но потерпела в этом неудачу. А спустя еще мгновение мне стало не до этого. Нестерпимо заболела голова. Казалось, будто раскаленные иглы вонзились мне в глазницы и сейчас тяжело ворочаются в них. Окружающая комната померкла, а затем и вовсе исчезла. Я больше ничего не видела: ни стол, ни застывшего в беспмятстве мага, ни моих друзей. Вокруг разлился непроглядный мрак.

«Так-так-так...»

Наверное, это сказал Эдриан, но я не была в этом уверена. Было тихо. Так тихо, что удары моего сердца молотом отдавались в ушах.

«Хм, странно, что-то я этого не припомню».

А вот это высказывание абсолютно точно принадлежало Эдриану. И мне очень не понравился его тон: удивленно-рас-

терянный, словно он встретился с тем, что совершенно не предполагал тут увидеть.

Внезапно мрак резко посерел. Теперь он напоминал кофе, щедро разбавленный молоком. И через эту мглу проступил письменный стол – как две капли похожий на тот, который стоял в кабинете Виллоби. И за этим столом в такой же позе сидел мужчина.

Это начинало мне не нравится. Сдается, передо мной находится сам загадочный хозяин дома, который, как выяснилось, обожает проводить опыты над людьми.

В этот самый момент мужчина поднял голову, и я увидела, что не ошиблась в своих предположениях. Те же белокурые волосы, те же приветливые ямочки на щеках. И невольно я улыбнулась в ответ. Правда, почти сразу насупилась, гадая, что все это означает.

– Я знал, что ты придешь, – проговорил Виллоби.

Я предпочла промолчать. Ох, не нравится мне такое начало, очень не нравится! Сдается, по вине Эдриана я в очередной раз угодила в беду.

Виллоби встал, и я в унисон этому попятилась, хотя не представляла, куда и как мне бежать из этой темницы. Я прекрасно понимала, что всего этого не существовало. На самом деле я нахожусь сейчас в другом месте. Точнее, там находится мое тело. А вот мой разум, по всей видимости, угодил в ловушку. В ту самую, где все это время томилось сознание Виллоби.

– Не бойся меня. – Виллоби сделал шаг навстречу ко мне. – Честное слово, я не трону тебя! – После чего улыбнулся и словно невзначай обронил: – К тому же одна арахния у меня уже есть. К чему мне вторая? Я не увлекаюсь коллекционированием пауков.

– Это радует, – буркнула я, настороженно наблюдая за ним.

– Если только поменять жену на более молодую особь, – задумчиво продолжил Виллоби, и у меня внутри все похолодело от этого предложения, а особенно – от равнодушного тона, которым оно было сделано. По всей видимости, маг действительно неполную минуту раздумывал над возможной рокировкой, после чего покачал головой и сказал: – Пожалуй, нет. Я привык к Миколике. Мне пришлось потратить немало сил, чтобы выдрессировать ее должным образом. Не хотелось бы начинать все заново.

– Вот спасибо! – не удержавшись, с сарказмом фыркнула я. Помолчала немного и опасливо поинтересовалась, заинтригованная его загадочным выражением: – То бишь, как это – выдрессировать? Миколика не животное, чтобы обучать ее трюкам.

– Я образно выражаюсь, – с усмешкой отозвался маг. Затем вкрадчиво добавил: – Но одному трюку я ее действительно научил: рассказывать слезливые истории, заставляющие проезжающих мимо срочно забывать свои дела и тратить все силы на спасение прекрасной незнакомки, якобы попавшей

в беду.

– То есть? – переспросила я, не уловив смысла столь витиеватой фразы. Почти сразу охнула: – Миколика лгала нам? Это все ловушка?

– Самая убедительная ложь всегда базируется на правде, – загадочно ответил Виллоби. – Чем искуснее ты переплетишь истину и вымысел – тем охотнее тебе поверят и предложат помощь. Поэтому многое в рассказе моей жены правда. Даже очень многое. На мой взгляд, кое-что можно было бы и утаить от чужих. К примеру, мне не понравилось, что она рассказала вам о моей первой жене и нашем сыне. Эта только моя трагедия и ничья больше.

– Вот как? – Я напряженно прислушивалась к тишине в своей голове, силясь уловить хотя бы одну подсказку Эдриана. Но тот по непонятной причине молчал, и я отчаянно пыталась не впасть по этому поводу в панику.

– Правда и то, что я посадил Миколику на привязь, – продолжил Виллоби, словно не замечая нервозности в моем голосе. – И я действительно занимаюсь некоторыми опытами, пытаюсь вырвать сознание своего сына из царства теней. Он погиб таким юным... Я так и не смирился с его смертью и никогда не смирюсь!

Я вспомнила предположение Миколики о том, что Виллоби сам мог быть причастен к смерти сына, желая таким образом получить материал для своих отвратительных опытов, но вслух ничего не сказала. Видите, общение с дракона-

ми все-таки научило меня держать в нужный момент язык за зубами.

– И в чем же тогда заключается ложь? – спросила я, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Неправда то, что мой разум попал в ловушку, – как и следовало ожидать, проговорил Виллоби. Я даже загордилась от своей проницательности, а маг уже продолжал: – Предположение о том, что настолько великий колдун, как я, способный кинуть вызов самой страннице в белом, угодит в смехотворную ловушку – дикость и несусветная глупость! Я заставил Миколику ввести себя в транс, так похожий на смерть. Как оказалось, паучихи умеют кусаться, и их яд способен оказать нужный эффект. А вы поверили моему представлению. Впрочем, найна Эдриана Жиральда извиняет то, что с момента его смерти прошло два века, поэтому он не знает, каких высот достигло развитие магического искусства за это время. Мне хватило одного дня, чтобы досконально изучить книгу и привратника.

Привратника? Я нахмурилась, не понимая, о чем это он, но тут мой взгляд упал на рубин. Ах да, конечно. Помнится, при нашем первом разговоре Эдриан тоже упоминал о том, что я разбудила привратника. Должно быть, его роль выполняет камень.

– И я понял, что рубин долгие годы хранил в себе частичку души создателя книги, – продолжил тем временем Виллоби. – А значит, он обязательно вернется к ней. Вернется

не сам, понятное дело, а заставит вернуться своего носителя.

И опять это неприятное слово. Носитель. Сразу видно, что Эдриан и Виллоби – ягоды одного поля. Даже выражения одинаковые выбирают.

– Зачем понадобился весь этот спектакль? – хриплым от волнения голосом спросила я. – Если ты на самом деле не угодил в ловушку, то почему так усердно старался выглядеть жертвой?

– Чтобы в ловушку угодила уже ты. – Виллоби широко и обескураживающе улыбнулся. – Видишь ли, носитель... – Меня в очередной раз передернуло от такого обращения, но Виллоби предпочел сделать вид, будто не заметил этого, и проговорил с особым упором: – Надеюсь, ты не будешь возражать, если я начну называть тебя именно так. Да даже если и будешь – мне все равно, если честно. Для меня ты лишь носитель разума одного из самых могущественных магов прошлого. Я ознакомился с трудами Эдриана и убедился, что наши взгляды во многом схожи. К примеру, я тоже не люблю сумеречных созданий. Умение скрывать свою истинную суть в тених кажется мне... подлым, что ли. Раз уж родился пауком – то имей смелость заявить об этом всему миру. Более того, как и Эдриан, я считаю, что вся эта мелкая теневая шушера обязана служить обычным людям. Мы на шаг выше по эволюционной лестнице.

– Чем же вы выше? – не удержавшись, полюбопытствовала я. К слову, я понятия не имела, что такое «эволюционная

лестница», но уж очень мне не понравилось надменное выражение лица Виллоби в тот момент, когда он о ней говорил. Ишь ты, сдается, кто-кто, а он не страдает манией величия, а искренне ею наслаждается.

– Да всем! – Виллоби подарил мне еще одну чарующую улыбку, от которой меня бросило в холод. – По крайней мере мы не стыдимся того, кем являемся. Это вам, а не нам приходится маскироваться и приспособливаться к окружающему миру. Это вы, а не мы годами храним свою суть в тайне даже от самых близких и любимых. Как это можно назвать? Лишь изменой и предательством, самым низким и подлым предательством, какое только возможно придумать.

Виллоби замолчал, пытаясь отдышаться после своей чувственной и полной эмоций тирады. Я тоже не торопилась нарушить воцарившуюся тишину, ощущая, как мои уши наливаются жаром от гнева. Да как он смеет так говорить?! Он же ничего не знает ни обо мне, ни о тех же драконах!

А еще меня все сильнее и сильнее злила и нервировала странная тишина со стороны Эдриана. Неужели Виллоби блокирует его? Да нет, зачем ему это. К тому же в самом начале нашего разговора до меня доносились реплики Эдриана. Такое чувство, будто мой постоянный спутник сам решил по какой-то причине взять паузу, внимательно прислушиваясь при этом к аргументам хозяина дома.

– Конечно, кое в чем Эдриан, на мой взгляд, перегнул палку, – продолжил Виллоби. – Пусть не сочтет это за обиду.

Но я считаю, что не стоит уничтожать всех сумеречных созданий. Зачем? Намного выгоднее и правильнее заставить их служить человечеству. И я продемонстрировал это на примере моей второй жены. Как оказалось, арахнии весьма трусливы и чувствительны к боли. Мне не составило особого труда превратить Миколику в свою рабу. Она и шага не смеет ступить без моего позволения. Да, приходится кормить ее, но я нашел способ, как заготовить впрок энергию умирающих людей. Моя... м-м-м... профессия помогает мне в этом. Правда, первое время Миколика убеждала меня, будто ей противно осознавать, что она питается за счет смертей других. Ну ничего, привыкла и приспособилась. Изредка, когда она радуется моему послушанию, то я позволяю ей полакомиться своей жизненной силой. Думаю, когда я закончу с тобой, то мою супругу ожидает настоящее пиршество. Свидетели мне не нужны, так что пусть выпивает досуха твоих друзей. А их тела, в свою очередь, пригодятся мне для экспериментов.

И маг с нескрываемым вождением потер руки, должно быть, воочию представив, что собирается сделать с моими товарищами.

Я в очередной раз содрогнулась от омерзения. Тоскливо огляделась по сторонам, не представляя, как выбраться из этой нематериальной западни. Эх, попала-то как! А все Эдриан! Кстати, что же он так долго молчит? Неужели в самом деле предал меня?

– Впрочем, я немного отвлекся, – опомнившись, сказал Виллоби. – О чем мы там говорили до моих рассуждений об истинном месте сумеречных созданий в нашем мире?

– Ты собирался поведать мне, зачем устроил эту ловушку, – проговорила я и с мелочной радостью заметила, как от моего слишком фамильярного обращения по лицу мага пробежала едва заметная тень неудовольствия.

Ага, не нравится, стало быть, когда ему «тыкают». А пусть привыкает! Причем я не первая начала!

– Я хочу возродить найна Эдриана Жиральда! – между тем громогласно провозгласил Виллоби. – Я думаю, мы прекрасно поладим. И мне нужен товарищ. Друг, способный оценить все мои опыты по достоинству и дать нужный совет. Как говорится, одна голова хорошо, а две – лучше!

– И каким же образом ты собираешься этого добиться? – любопытствовала я, уже понимая, что ответ мне очень и очень не понравится.

Виллоби сделал еще один шаг ко мне. Я с огромнейшим удовольствием держалась бы от этого ненормального как можно дальше, но отступить было некуда: моя спина прижалась к какой-то пружинящей поверхности, по всей видимости, ограничивающей периметр этой небольшой своеобразной темницы.

– Гордись: ты послужишь вместилищем разума этого великого человека! – прошипел, брызгая слюной, Виллоби и ткнул меня в грудь указательным пальцем.

Я некогда сочла его симпатичным? В таком случае я сильно ошибалась. Сейчас он выглядел преотвратно: голубые глаза горели огнем безумия, губы кривились от беспрестанных гримас, куда-то исчезли симпатичные ямочки. И внешне я осознала, что передо мной действительно сумасшедший. Что самое страшное: абсолютно уверенный в верности своих поступков.

– Твое тело легко примет его, – продолжал шептать Виллоби. – За время вашего путешествия его разум уже сроднился с ним. Поэтому смирись и расслабься. Ты, конечно, почувствуешь нечто неприятное, но больно не будет. Не должно быть. И в любом случае, ты обязана быть счастлива, что послужишь во благо человечества! Кем тебе суждено было бы стать? Одной из племени паучих, презренным существом, прячущим свой неприглядный облик к теням. Тьфу, да и только!

Я покорно утерлась, поскольку Виллоби, увлекшись своей речью, на самом деле плюнул мне в лицо.

– А так ты обретишь иную судьбу, станешь иным человеком, – продолжал разглагольствовать маг.

– Другими словами, я умру, – оборвала его я.

– И что тебя не устраивает? – искренне удивился он, уловив горькую иронию в моем голосе. – Да, как арахния ты погибнешь. Не останется ничего от прежней тебя: ни воспоминаний, ни рассуждений. Зато твое тело займет он. Это ли не величайшее благо на свете: послужить сосудом для гениаль-

нейшего разума?

Я открыла было рот, собираясь послать этого радетеля за судьбы человечества куда подальше. Ишь ты, величайшее благо для человечества. Да плевать мне на человечество, если честно! Сейчас самое главное для меня – выжить любой ценой!

– Нет, – пробормотала я, с отчаянием оглядываясь по сторонам в поисках хоть какого-нибудь пути к спасению. – Нет, нет, нет! Я не желаю становиться никаким сосудом. Я хочу быть только собой!

– Прости. – Виллоби пожал плечами. – Но это не обсуждается. Все решено.

После чего повелительно вздел руку и направил указательный палец мне в лоб.

– Нет! – во все горло закричала я. – Я не позволю...

И ринулась вперед с намерением вцепиться магу в горло. Пусть я погибну, но прежде как следует вмажу этому холемому мерзавцу! Он навсегда запомнит Тамику Пристон!

Что-то ослепительно гроыхнуло, и меня откинуло далеко назад. При падении я пребольно ударилась затылком. Сознание замерцало, готовое в любой момент покинуть меня.

Помнится, я еще удивилась этому. Неужели будучи без сознания можно опять упасть в обморок? Но это была моя последняя мысль. Затем черное небытие поглотило меня.

– Вредная противная девчонка.

Мне было так хорошо и спокойно. Пожалуй, уже очень давно я не чувствовала себя настолько защищенной от любых невзгод. Казалось, что все испытания далеко позади, и я наконец-то обрела долгожданное счастье. Единственное, что омрачало мою расслабленную негу: какой-то смутно знакомый голос, который без устали ругал меня.

– Сколько раз мне уже приходилось выручать тебя из беды! А сколько раз из-за собственной беспечности ты оказывалась на краю гибели! Тамика Пристон, рано или поздно, но боги отвернутся от тебя, да и я не всегда буду рядом.

Я уныло вздохнула. Морган. Только он называет меня полным именем. А то, что он упомянул к тому же и мою фамилию, доказывает, что стихийник сейчас в настоящем бешенстве. И что же я натворила на сей раз?

Стоило мне только задать этот вопрос, как на меня нахлынул вал воспоминаний. Виллоби! Этот подлый маг собирался использовать мое тело как сосуд для возрождения Эдриана!

От этой мысли я даже подскочила. Всю мою расслабленность и дрему как дракон языком слизнул. Я резко распахнула глаза и принялась испуганно озираться. Оказалось, что я возлежу на кровати в спальне этого самого мерзавца, за-

влекшего меня в ловушку, а рядом, на самом краешке постели, скромно притулился Морган, который, вопреки своему суровому тону, при этом ласково гладил меня по руке. Больше в комнате никого не было.

– Очнулась, наконец-таки, – хмуро произнес Морган, мгновенно выпустив мою ладонь из своей. Придал себе еще более грозный вид, сурово сдвинув брови.

– Я тоже рада тебя видеть, – отозвалась я, села и принялась беспорядочно хлопать по себе руками, проверяя, все ли в порядке.

Да нет, вроде бы все хорошо. Я по-прежнему нахожусь в своем теле. Тогда что же получается, затея Виллоби провалилась? Но по какой причине? И почему я до сих пор не услышала мнения Эдриана по поводу произошедшего? Знаю я этого болтуна, давным-давно бы уже высказал все, добавив парочку весьма ехидных комментариев.

– Я слышу голоса, стало быть, Мика очнулась, – вдруг раздался приятный мужской баритон. А в следующее мгновение дверь распахнулась, и на пороге предстал сам негодяй и мерзавец Виллоби собственной персоной.

Первым моим порывом было спрятаться под одеялом с головой, хотя вряд ли столь смехотворная преграда смогла бы защитить меня от мага. Но куда больше меня изумила реакция Моргана на появление хозяина дома, который вроде как должен был находиться в прострации. Приятель пожал плечами, не выказав ни малейшего удивления, и подтвердил:

– Очнулась, куда же она денется. Если у кошек девять жизней, то у арахний наверняка несколько десятков про запас.

– Да ладно, не злись на нее, – благодушно попросил Виллоби и сделал шаг к кровати, прежде едва заметно подмигнул мне: – Мика ведь не знала, что это ловушка.

– Э-э-э... – промычала я что-то нечленораздельное, поскольку голос предательски отказался служить мне. Невоспитанно ткнула пальцем в Виллоби: – А-а-а?

– Правда, неожиданный поворот? – поинтересовался тот, широко улыбаясь при этом. И опять заговорщицки подмигнул.

В этот миг у меня в голове что-то отчетливо щелкнуло. Сдается, я узнаю эти насмешливые интонации.

– Эдриан? – неуверенно спросила я. – Это ты?

– Ага, – подтвердил тот, лучась от удовольствия.

– Но... как? – изумленно воскликнула я. – Как такое возможно?

– Видишь ли, моя подруженька, – снисходительно начал Эдриан в новом теле, сделав вид, будто не заметил, как меня передернуло от этого обращения, – излишняя уверенность в собственных силах, пожалуй, один из главных недостатков магов. И Виллоби не был исключением. Да что там кривить душой, своей самонадеянностью он превзошел даже меня!

– Да ладно? – не удержалась я от язвительной реплики, вспомнив, как не так давно из-за Эдриана угодила в плен герпентолу, жаждущему обзавестись потомством.

Тогда мой постоянный спутник тоже утверждал, что просто желает посмотреть на тварь Альтиса. Мол, удовлетворит свое любопытство – и без особых трудностей расправится со змеюкой. А какими проблемами все в итоге обернулось!

– Ну да, я тоже порой перегибал палку, – неохотно признал Эдриан, видимо, подумав о том же самом приключении. – Но тем не менее именно я победил Виллоби. Пока он заливался соловьем, пугая тебя ужасным будущим, я не терял даром времени. Впрочем, ты и сама могла бы догадаться, что предложение Виллоби не приведет меня в восторг. Я уже не раз и не два заявлял, что не желаю возрождения в девичьем теле. Иначе давным-давно захватил бы власть над твоим разумом. Но мне это было не надо. В конце концов, я мужчина! Из меня бы вышла весьма странная женщина.

– И что ты сделал? – перебила его я, осознав, что иначе еще долго буду вынуждена выслушивать его рассуждения о преимуществах мужского пола над женским.

– Я исследовал ловушку, созданную Виллоби, – послушно ответил Эдриан. – Понял, что могу преобразовать ее для собственных целей. Вряд ли этот самоуверенный наглец предполагал, что я пойду на такое. По его мнению, я должен был прыгать от радости и не думать ни о чем ином, как о скором возвращении в мир живых. Извини, но поставить тебя в известность о своих планах я побоялся, поскольку Виллоби мог подслушать твои мысли. Но ты и без того вела себя на удивление правильно. Разговаривала, задавала все новые

и новые вопросы, тянула время. В общем – умничка!

– Естественно, – буркнула я. – Я ведь думала, что в конце беседы Виллоби уничтожит меня.

– Не тебя, а твой разум, – исправил меня Эдриан. Подумал немного и добавил: – Но в принципе это почти одно и то же. Однако в итоге я сжег сознание Виллоби и получил его тело в свое полное распоряжение.

Все это было просто замечательно, однако мне никак не давал покоя странный неприятный запах, исходящий от Эдриана. Не выдержав, я с любопытством вытянула шею, уставившись на его штаны. Хм-м, интересно, а он в курсе, что Мышка пометила его?

– Да-да, – раздраженно махнул он рукой, без лишних слов поняв, по какой причине я расплылась в пакостливой улыбке. – Миколика обещала найти мне одежду. Жду не дождусь, когда переоденусь. Но не могу же я расхаживать по дому без штанов! Вот ведь вредная собаченция, нашла, на ком показывать свой норов!

– Миколика в курсе того, что случилось с ее мужем? – оборвала я его объяснения. Дождалась утвердительного кивка и с искренним интересом спросила: – И как же она отнеслась к этому? Насколько я поняла, она была сообщницей Виллоби.

– Миколика помогала ему из-за страха, – вместо Эдриана ответил Морган. – Виллоби пригрозил, что в противном случае она займет место его сына на столе для опытов в подвале. И я тебя уверяю: она просто счастлива от того, что ее

муж больше не сможет ее мучить.

— А почему она его сама не убила? — продолжила я недоумевать. — Это ведь было так просто! Виллоби некоторое время был совершенно беспомощным и не смог бы дать отпор.

Морган лишь пожал плечами. Открыл было рот, чтобы что-то сказать, но не успел. Вместо него мне ответила сама Миколика, которая неожиданно появилась на пороге; войдя, Эдриан забыл закрыть за собой дверь.

— Это хороший вопрос, — сказала она очень грустно. — Очень хороший, но, увы, боюсь, я и сама не сумею объяснить свой поступок, точнее говоря, как раз отсутствие какого-либо действия. Понимаешь, Тамика, я ведь действительно любила своего мужа. Боялась, ужасалась тем, какими вещами он занимался в своем проклятом подвале, и все равно продолжала любить. Даже сейчас мне хочется плакать от мысли, что теперь в его теле живет совсем другой человек, а следовательно, я больше никогда не услышу голос Виллоби, своего Виллоби. И я презираю себя за это.

Морган и Эдриан переглянулись. На лицах обоих мужчин было написано нескрываемое недоумение. По всей видимости, они были не способны понять все те чувства и переживания, которые терзали сердце и душу несчастной Миколики. А вот я ее как раз очень хорошо понимала.

«Наверное, тем женщины и отличаются от мужчин, — пробормотал внутренний голос, который немедленно оживился

после ухода Эдриана из моего сознания. – А именно: неспособностью разобраться, чего же они хотят на самом деле. Так и ты мечешься, не в силах разобраться, кого же на самом деле любишь».

Я проигнорировала это в высшей степени справедливое высказывание. Просто не понимала, что бы могла сказать в собственное оправдание. Да, все так. И это очень печально.

– Впрочем, не обращайтесь на мое нытье внимания! – тем временем с демонстративной бравадой воскликнула Миколика и тряхнула головой, позволив волосам красиво разметаться по плечам. – Я сама не осознаю, что говорю! Конечно же, я рада, что все позади. Виллоби... Он был чудовищем, а я – красавицей, заточенной в его доме.

– В таком случае предлагаю заняться наследством, оставшимся после него, – сказал Морган и первым поднялся на ноги. Посмотрел на меня совершенно непроницаемым взглядом и спросил: – Побудешь здесь или пойдешь с нами? Мы бы хотели осмотреть подвал и выяснить, чем же там занимался Виллоби. Заодно проверим, что с лошадьми, не нуждаются ли они в чем. Миколика убеждала меня, что с ними все в порядке, но я бы хотел убедиться в этом самолично. Тем более что в этом доме весьма... хм... своеобразные слуги. Опять-таки никак не могу понять, почему Миколика так уверена, что животные не испугаются их. Но ты, наверное, устала и нуждаешься в отдыхе после всех этих треволнений.

– Нет, все в порядке! – воскликнула я, испугавшись, что

иначе меня оставят в полном одиночестве в этой комнате.

Что скрывать очевидное, я чувствовала себя здесь несколько... неуютно, что ли. Все вокруг было словно напитано духом самоуверенного мага, который готовил ловушку мне, но в итоге сам туда угодил. Казалось, будто в любой момент настоящий хозяин дома вернется и вряд ли обрадуется, увидев меня в своей постели.

– Так я и думал, – с затаенной улыбкой отозвался Морган и протянул мне руку. – Пойдем. А то Фрей там, наверное, с ума от волнения сходит, гадая, что с тобой.

И он был прав. Стоило мне только пересечь порог гостиной, как я очутилась в крепких объятиях Фрея. Он с такой силой стиснул мои несчастные ребра, что я жалобно пискнула, испугавшись, не сломается ли какое-либо из них. Затем Мышка удостоила меня своим вниманием и тщательно вылизала лицо. Одна Ульрика, которая, по своему обыкновению, примостилась на высокой спинке одного из кресел, никак не отреагировала на мое появление. Как только она меня увидела, то презрительно фыркнула и с демонстративным пренебрежением уселась так, чтобы оказаться ко мне спиной.

Мои брови при виде такого странного отношения сами собой полезли на лоб. Что это еще за представление? Я прекрасно понимала, что мы с Ульрикой вряд ли когда-нибудь станем лучшими подругами, но никак не могла догадаться, какая муха ее укусила на сей раз. Вроде бы в обозримом про-

шлом мы с ней не ссорились. Ну то есть ссорились, конечно. Говоря откровенно, я с ней каждый день ссорюсь. Однако Ульрика быстро забывала свои обиды и почти сразу после очередного скандала принималась вновь доставать меня своими шуточками. А сейчас она скорчила настолько недовольную мину, будто я всерьез ее чем-то оскорбила.

«Эдриан! – внезапно осенило меня. – Он же известный драконоборец! И теперь Ульрика в курсе, что все это время я была своеобразной носительницей его разума».

Да, это означало для меня определенные трудности. Если Ульрика когда-нибудь вернется в род, чьей хранительницей вроде как является, то она непременно расскажет обо всем этом. Болтливая фея ни за что не сумеет удержать язык за зубами и растреплет каждому встречному о том, как я помогла возродиться магу, печально известному в прошлом своими деяниями и войной против всех сумеречных созданий. А там, глядишь, кто-нибудь задастся вопросом: не стал ли Шерион Ульер первой жертвой возродившегося драконоборца?

Я со свистом втянула в себя воздух и усилием воли заставила отвлечься от непростых раздумий. Ладно, трудности надлежит решать по мере их возникновения. Сначала разберемся с наследием Виллоби.

– Как ты себя чувствуешь? – с неподдельной заботой спросил Фрей, вновь заключив меня в свои объятия. – Знаешь, я так испугался! Ты прикоснулась к этой проклятой книге и вдруг рухнула как подкошенная! Благо, что Морган успел

поймать тебя, иначе ты бы сильно расшиблась. А потом ты лежала, холодная и почти мертвая. Он пытался привести тебя в чувство, но ничего не помогало! Это было так страшно, ты себе не представляешь! Но еще страшнее стало, когда Виллоби вдруг пошевелился, а затем и вовсе очнулся. Я так перетрухал, что чуть в обморок не упал. А Морган схватил его за грудки и как прорычит, мол, что ты сделал с Тамикой! А потом...

На этом месте Фрей сделал паузу, жадно глотая воздух после столь проникновенной тирады, которую он выпалил на одном дыхании.

– Думаю, Мика прекрасно понимает, что произошло дальше, – неожиданно подала голос Ульрика. – Полагаю, не стоит описывать ей наше удивление, когда очнувшийся Виллоби открыл рот и поведал, что он на самом деле – найн Эдриан Жиральд. И что все это время он, оказывается, скрывался в твоей голове! – После чего выдохнула с трагизмом: – Как ты могла?!

Я виновато опустила голову, предчувствуя град обвинений, которые наверняка поспешит выплеснуть на меня Ульрика. Эдриан был хорошо известен в первую очередь своими поисками драконов и попытками разоблачить их истинную суть. Получается, что я привела в замок рода Ульер их самого заклятого врага.

Но фея опять замолчала, мудро решив не тратить времени на пустые пререкания. Видимо, она и без того понимала,

что я осознаю всю степень своей ответственности, но вряд ли примусь громогласно каяться и просить у нее прощения.

– Я сперва подумал, что Виллоби рехнулся маленько, – пробасил тем временем Фрей. – Но по какой-то причине Морган ему поверил. Затем они вдвоем перетащили тебя в соседнюю комнату и там долго о чем-то шушукались. Потом Морган остался ждать, когда ты очнешься, а Виллоби... или правильнее называть его Эдрианом?.. Не важно, впрочем. В общем, этот Виллоби-Эдриан вернулся и приказал нам идти в гостиную. Мол, вина хлебните, фруктами перекусите. Наверное, не желал оставлять нас в кабинете без присмотра. Ну я-то что? Я вообще всех этих магических штучек боюсь, как огня, поэтому отправился восвояси. Ульрика попыталась спорить, но ее тоже быстро выгнали. И вовремя: она как раз нацелилась порыться в одном из шкафов.

– Неправда! – оскорблено взывала фея. – И в мыслях не было! Вот еще – шариться по чужим вещам! Просто... просто я заметила там очень редкую книгу, которую давно хотела прочитать, вот и собиралась полистать ее, пока остальные всякими глупостями заняты.

Фрей скептически хмыкнул, но спорить не стал, вместо этого выразительно изогнул бровь и подарил мне красноречивый взгляд, словно говорящий: ну ты же понимаешь, кому из нас двоих надо верить.

Ульрика перехватила наш молчаливый обмен взорами и обиженно засопела, вновь развернувшись ко мне спиной и

почти целиком спрятавшись в коконе крыльев.

Я слабо улыбнулась при виде этой картины. Наивная Ульрика думает, будто наказывает меня своим молчанием, а на самом деле я просто счастлива, что некоторое время буду избавлена от суровой необходимости выслушивать ее язвительные замечания! Затем я озадаченно принялась озираться. Кстати, а где Морган и Эдриан? Эта парочка привела меня к гостиной, но, по всей видимости, в комнату заходить почему-то не стала. А я и не обратила на это внимания, вынужденная сражаться за каждый глоток воздуха в медвежьих объятиях Фрея. И Миколики здесь нет, хотя она сопровождала нас.

И очень нехорошее предчувствие зашевелилось в моей душе. Кажется, я догадываюсь, куда они все направились!

– Кстати, а где Морган? – в этот же момент поинтересовался Фрей. – Он вроде как маячил за твоей спиной. Куда смылся-то? И где остальные?

– В подвале, – процедила я. – По всей видимости, господа великие маги неплохо спелись и решили самым интересным заняться без нас.

Как я ни старалась, но мой голос при последней фразе предательски дрогнул, а губы затряслись. Вот ведь негодяи! Знают же, что мне до смерти любопытно, какие же страшные тайны скрываются в подвале этого зловещего дома. И все равно отправились туда без меня. А ведь я рисковала своей жизнью, добыв Эдриану новое тело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.